

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

Тезисы докладов
III годичной научной сессии ЛО ИНА
май 1967 года

Ленинград 1967

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

Тезисы докладов
III годичной научной сессии ЛО ИНА
май 1967 года

Ленинград 1967

Д.Е.Бертельс

**"АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК - ИНСТИТУТ
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР - СЕКТОР (МУЗЕЙ) ВОСТОЧНЫХ
РУКОПИСЕЙ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР"**

Азиатский музей после Великой Октябрьской революции (1917-1930).

Новые проблемы, направления и методы в востоковедных исследованиях, рожденные Великим Октябрем.

Состав Азиатского музея, деятельность. 100-летие Азиатского музея (1818-1918). Коллегия востоковедов (1921). Институт Буддийской культуры (1928). Туркологический кабинет (1928).

Подготовка к реорганизации Азиатского музея. Проекты создания Института Востоковедения и их обсуждение (1928-1929). Первая пятилетка в Азиатском музее - Институте Востоковедения.

Создание Института Востоковедения АН СССР - перестройка научного фронта советского востоковедения. Научный профиль Института Востоковедения, его структура (кабинеты, научная библиотека, рукописный отдел, архив); сектора: а) историко-экономический и б) литературоведческий.

Институт Востоковедения в годы Великой Отечественной войны. Эвакуация в Ташкент, деятельность в Ташкенте, ре-

эвакуация. Деятельность Ленинградской и Казанской группы. Ущерб, причиненный Институту Востоковедения артобстрелами.

Указ Правительства СССР о награждении сотрудников Института Востоковедения от 10 июня 1945 г. Почетная грамота Президиума Верховного Совета Узб.ССР.

Участие Института Востоковедения и его сотрудников в общественно-политической жизни страны: сотрудники ИВ - депутаты Советов депутатов трудящихся, народный университет, лекционная деятельность.

Московская группа Института Востоковедения (1943-1950 гг.).

Проект реорганизации Института Востоковедения и его Московской группы в Московское отделение Института Востоковедения (1946 г.).

Проект создания единого Института Востоковедения (1950г.)

Перевод Института Востоковедения в Москву и создание Сектора (музея) восточных рукописей ИВ АН СССР в г. Ленинграде.

Основные задачи, стоявшие перед Институтom Востоковедения с момента его создания: а) изучение стран Советского Востока и помощь им в культурном и языковом строительстве; б) публикация исторических и литературных памятников этих стран; в) разработка отдельных проблем истории народов Советского Востока; г) изучение стран зарубежного Востока.

ИВ АН СССР - научный и организационный центр советского востоковедения. Создание ассоциаций, разработка научных тем по договорам. Учреждения и организации, обслуживаемые институтом, формы связей с ними и оказания помощи. Подготовка востоковедных кадров.

Периодические издания института и важнейшие опубликованные труды. Издание текста и перевода "Сборника летописей" Рашид ад-дина, работа над 2-х томной "Историей культуры", сборник "Горький и литература Советского и зарубежного Востока" и др.

Собрание рукописей. Археографическая экспедиция Вахидова и Забирова, экспедиции в Среднюю Азию, Монголию, БМАССР, Астрахань, Оренбургск. обл., Крым, экспедиция Залкина в БМАССР и Читинскую обл. и др.

Основные направления и проблемы научно-исследовательской работы. Составление словарей языков восточных республик Советского Союза и языков народов зарубежного Востока. Научные сессии и конференции в Институте Востоковедения. Участие во всесоюзных совещаниях и конференциях. Юбилей великих деятелей культуры народов Востока. Участие во всесоюзных изданиях.

Э.Н.Темкин

ЛО ИНА АН СССР
за 10 лет (1957-1967)

1. 1956-1960 гг. XX съезд КПСС и роль его решений в подъеме востоковедных исследований в СССР. Реорганизация Института Востоковедения. Образование и становление Ленинградского отделения Института Востоковедения АН СССР. Проблема кадров. Академик И.Орбели и формирование коллектива. Организация кабинетов и секций. Главная задача Отделения. Организация работ по описанию восточных рукописей.

2. 1961-1963 гг. Дальнейшее развитие Отделения. Роль Ученого совета и общественных организаций в укреплении коллектива и организации научных работ; рост квалификации кадров; расширение работ по описанию восточных рукописей. Разработка 10-летнего плана научных исследований. От описания рукописей к изданию памятников. Составление научно-обоснованной программы исследования и публикации восточных рукописей. Образование всесоюзной издательской серии "Памятники письменности Востока".

3. 1964-1967 гг. Решение Секции общественных наук АН СССР от 19/XI 1964 и расширение рамок научного профиля

Отделения. Место Лен.отд. ИНА АН СССР в системе советского востоковедения. Образование всесоюзной издательской серии "Культура народов Востока". Подготовка научных кадров и научная продукция Отделения за 10 лет. Внутрисоюзные и международные научные связи. Традиции и преемственность. О развитии научных школ в Отделении. Пропаганда научных знаний и научно-популярные издания.

Л.Н.Меньшиков

АКАДЕМИК В.М.АЛЕКСЕЕВ В АЗИАТСКОМ
МУЗЕЕ - ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

1. До начала XX в. китаеведение в Азиатском музее ограничивалось составлением описей и каталогов поступивших материалов и книг, обычно приглашенными для этой цели китаеведами из других учреждений (П.И.Каменский, С.В. Липовцов, К.А.Скачков и др.). Разработка научных проблем почти полностью отсутствовала. Формирование китайских фондов носило случайный характер.

2. После приглашения В.М.Алексеева сначала на временную (1902,1910), а потом и на постоянную (1912) работу китаеведные исследования и комплектование библиотеки становятся систематическими и подчиняются глубоко продуманному плану.

3. Первой задачей, которую поставил перед собой В.М. Алексеев, было укомплектование библиотеки и рукописных фондов всеми необходимыми материалами - от справочников до подбора текстов китайской литературы и выходящих в разных странах исследований. Сам В.М.Алексеев преподнес Азиатскому музею коллекцию эстампажей. Им же составлены подробные каталоги этой коллекции и китайской библиотеки.

4. Одновременно с этим В.М.Алексеев ведет научно-исследовательскую работу, в 1912-1918 гг. им издан ряд важных работ от объемистой монографии "Поэма о поэте"

до ряда статей. Много сил он тратит на подготовку китаеведных кадров в Университете и популяризацию китаеведных знаний (особенно после революции).

5. Начиная с 1920 г. научные кадры Азиатского музея - ИВАН непрерывно пополняются учениками В.М.Алексеева; были приняты Д.К.Щуцкий (1920), В.А.Васильев (1921), К.К.Флуг (1925), А.А.Драгунов (1928), А.Г.Шпринцин (1930), Л.И.Думан (1935), А.А.Петров (1936) и многие другие. Кроме того, В.М.Алексеев привлекает в Институт Востоковедения ученых, которые его учениками не были, но деятельность которых он высоко ценил: Н.А.Невского (1930), П.Е.Скачкова (1930), Б.И.Панкратова и В.М.Штейна (1935) и др. Это способствовало специализации китаистов в области лингвистики, литературоведения, истории, экономики, философии. Все работы курировались В.М.Алексеевым. Результаты сказались в появлении ряда специализированных работ и докладов.

6. С 1931-1933 гг. под руководством В.М.Алексеева работала комиссия по латинизации бесписьменных китайских диалектов СССР и дунганского языка. Кроме латинизированных алфавитов появились исследования по китайской диалектологии и дунганскому языку А.А.Драгунова и А.Г.Шпринцина, а также книга В.М.Алексеева "Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация".

7. Второй коллективный труд, проведенный под руководством В.М.Алексеева, был большой китайско-русский словарь (составлялся в 1938-1950 гг.). В нем приняли участие все ленинградские и многие московские китаисты. Была составлена уникальная картотека и издан "Макет слога гу" с большой вступительной статьей В.М.Алексеева.

8. Исследования в области китайской литературы впервые были организованы систематически. Исследования В.М.Алексеева охватывали самые различные области, включая конфуцианский канон, буддийскую литературу, поэзию и поэтологию, ритмическую прозу, повествовательную прозу. На

новой и новейшей литературе специализировался Б.А.Васильев.

9. Другие китаеведы исследовали историю Китая, историю его экономической мысли, идеологии (конфуцианство, буддизм, даосизм, историю китайского материализма), искусство – в том числе народное, библиографию Китая и другие области, причем В.М.Алексеев неизменно выступал руководителем этих работ.

10. В лице В.М.Алексеева история китаеведения в России и СССР нашла своего исследователя и истолкователя. Особенно замечательна книга, написанная в 1947 г. как итог развития китаеведения за 30 лет советской власти (она не была издана). Из нее видно, что среди всех работ советских синологов гораздо больше половины сделано лично им.

11. В.М.Алексеев явился, таким образом, создателем большой школы китаеведов, работавших и сейчас работающих в Институте Востоковедения – Институте народов Азии и это не говоря о многих, кто работает в других учреждениях. Труды его сохраняют научный интерес и до сих пор – об этом свидетельствует успех изданий ряда ненапечатанных при его жизни статей и книг ("В старом Китае", "Китайская классическая проза", "Китайская народная картина").

Е.И.Васильева

НЕИЗВЕСТНОЕ СОЧИНЕНИЕ ПО ИСТОРИИ КУРДИСТАНА

1. Курдский автор Мела Махмуд Баязиди (род. в 1797 г.) стал известен совсем недавно благодаря работам М.Б.Руденко по изучению курдских рукописей, хранящихся в Ленинграде. Он составил сочинения по языку и литературе курдов, оказав известному русскому курдоведу А.Д.Жабе (1801-1894) большую помощь в деле собирания и изучения курдских рукописей.

2. Перу Махмуда Баязиди принадлежал еще большой, насчитывавший тысячу рукописных страниц, труд по истории курдов, задуманный им первоначально как продолжение выдающегося творения автора-курда XVI в. Шараф-хана Бидлиси "Шараф-наме". Свое сочинение Махмуд Баязиди назвал "Книга по новой истории Курдистана" (Китаб-и таварих-и джадид-и Курдистан). Книга была написана в 1274/1857-8 г., т.е. в одном году с другим его сочинением "Нравы и обычаи курдов".

3. Новое сочинение Махмуда Баязиди, предпринятое им по совету А.Д.Жабы вызвало у последнего самый живой интерес. Он решил перевести его на французский язык и "превратить в новый объект своих лингвистических исследований". Этому сочинению и переводу А.Д.Жаба придавал большую важность, отмечая, что он привлечет внимание любого читателя.

4. 30 марта 1867 г. А.Д.Жаба отправил из Эрзерума в Петербургскую Академию наук выполненный им французский перевод предисловия Махмуда Баязиди к "Книге по новой истории Курдистана" на рассмотрение ученых-востоковедов.

5. Судьба сочинения Махмуда Баязиди неизвестна. В числе принадлежавших А.Д.Жабе курдских рукописей, которые хранятся ныне в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, его нет. Неизвестно, закончил ли А.Д.Жаба его перевод. В его письмах за 70-80-е годы мы не находим на то никаких указаний. От большого исторического труда Махмуда Баязиди до нас дошел лишь выполненный А.Д.Жабой перевод предисловия, который хранится в Архиве АН СССР. Перевод содержит 50 страниц, написанных рукой А.Д.Жабы.

6. Сочинение Махмуда Баязиди состояло из предисловия (сар-нависшт) и одиннадцати глав. В письме к В.А.Дорну от 13 июня 1867 г. А.Д.Жаба приводит еще один отрывок из рукописи Баязиди, содержащий оглавление книги и список

правителей и эмиров 1200/1785-6 г. Особый интерес представляет оглавление, позволяющее реально представить содержание труда Баязиди.

7. Сочинение Махмуда Баязиди содержало описание событий, которые произошли в Эрзерумской области, в Муте и Бидлисе, в округе Махмуди, в Ванской области, в Хаккари, Ревандузе, Бахдинане, Бохтане, Силиване, в Карсе, Азербайджане, в Хое, Тебризе, Ереване, Урмии, Мераге и Маку. Таким образом, сочинение охватывало основные районы расселения курдов и почти столетний период их истории - с 1785-6 по 1857-58 гг. По свидетельству А.Д.Жабы автор часто обращался и к более отдаленным временам, вплоть до эпохи Шараф-хана Бидлиси. Все это свидетельствует о большой ценности этого до сих пор неизвестного науке источника по истории курдов, особенно периода с конца ХУШ до середины XIX вв.

З.Н.Ворожейкина

ВСТАВНЫЕ РАССКАЗЫ В РОМАНЕ 'АБДАЛЛАХА АНСАРИ 'ДРУГ ПОСЛУШНИКОВ И СОЛНЦЕ МЕДЖЛИСОВ'

1. Роман 'Абдаллаха Ансарй (1006-1088) "Анйс ал-мурйдин ва шамс ал-маджалис" является старейшей персидской литературной обработкой широко распространенного на Востоке сказания о Исуфе и Зулейхе. Специалисты (А.Е.Крымский, Е.Э.Бертельс) уже давно отметили необходимость исследования романа Ансарй, как первого опыта суфийского истолкования коранической легенды о Иосифе, нашедшего затем блестящее продолжение в популярной поэме Джамй.

2. Неизученность романа Ансарй объясняется практической недоступностью сочинения, сохранившегося, судя по каталогам, только в двух рукописях (собрания ИНА АН СССР

в Ленинграде и библиотеки "Индия-Оффис" в Оксфорде) и не имеющего издания. Список ИНА (С 1480), приобретенный В.А.Ивановым в Бухаре в 1915 году, датирован 1230/1814-15 г. Содержит полный текст сочинения (137 листов), надежно выполненный (выверенный, по-видимому, по другому списку), хорошо сохранившийся.

3. Повествование в романе перемежается вставными рассказами и притчами (х и к а й а т). Рассказанные по поводу тех или иных положений фабулы, вставные хикайаты совершенно самостоятельны по сюжету и форме. Сорок семь коротких рассказов и притч, введенных Ансари в роман, органично составляют единый цикл, представляющий интерес для специального рассмотрения.

4. Общая направленность хикайатов - дидактическая, религиозно-назидательная. Философские догмы и этические нормы суфизма воплощены в них в форме реальных картин, простейших жизненных ситуаций и предельно-лаконичных диалогов. Необходимость нравственного очищения, человеколюбие, порицание богатства - вот основные идеи этих коротких историй, рассчитанных на быстроту и непосредственность эмоционального восприятия. Наиболее частые действующие лица хикайатов: "некий старец" (пир-й), "один из благочестивых" (йак-й аз салих-й), "один дервиш" (дервиш-й), "некий царь" (падшах-й), раб (гулам или бенде) и др.

5. Значительная часть рассказов наделена атрибутами исторической правды. Передатчиками хикайатов выступают такие исторические лица, как 'Али, Байазид Бистами, Зун-Нун Мисри. Среди персонажей действуют: 'Али и его сын Хасан, Муса, Раби'а, Зун-Нун Мисри, Джунаид, Харун-ар-Рашид, султан Махмуд и др. Указывается место действия: Басра, Медина, Мекка, Куфа, Багдад, Египет, Индия.

6. Первостепенный интерес представляют собой рассказы быто- и нравоописательного характера, воссоздающие живые штрихи действительности: о дерзости фарраша, исключитель-

ной находчивостью избежавшем царской немилости (л.98б), о надменном правителе, упорствующем в своих ошибках (л.63б), о прогулке султана Махмуда (л.61б) и др.

7. Введение в роман вставных рассказов и притч, включающих элементарный кодекс суфийской морали, следует рассматривать как важный художественный прием, рассчитанный на популяризацию идей суфизма, ориентированных на широкие слои населения. Одновременно вставные хикайаты Ан-сари убедительно подтверждают известное положение о тесной связи ранней суфийской литературы с народным творчеством.

В.Н.Горегляд

"МАКУРА-НО СОСИ" СЭМ-СЭНАГОН - ДЗУИХИЦУ

(От характера списка произведения
к характеристике жанра)

1. Памятники хэйанской литературы (IX-XII вв.) многие столетия являлись образцами для японских писателей - по стилю, художественным приемам, по организации внутренней структуры произведения.

2. Аутентичные тексты многих произведений раннего периода утеряны. Известнейшие памятники ходили в нескольких списках: "Гэндзи моногатари" - не менее, чем в пяти видах списков, "Ходзёки" - в пяти различных списках, "Макура-но соси" - в четырех видах списков.

3. Списки произведения имеют, как правило, три источ-

ника возникновения: а) одновременные авторские экземпляры, отражающие разные ступени работы над произведением; б) экземпляры, измененные переписчиками непониманием фрагментов текста, редактурой, внесением в текст комментариев и выписок из других памятников, сокращениями в тексте; в) экземпляры, созданные комментаторами и исследователями по направлению редактурой текста, попытками восстановить начальную композицию памятника или составить унифицированный список.

4. Каждая разновидность списков развивается по своим законам, и в зависимости от распространенности в ту или иную эпоху, приобретает собственную литературно-историческую ценность, влияет на формирование и изменение литературной традиции. Случайное в списке известного памятника может стать осознанным художественным приемом у последователей.

5. В произведениях дзуйхицу первичные и вторичные списки, существенно не меняя композицию оригинала, касаются, в основном, средств художественной изобразительности и стиля; последующие списки, сильно отличающиеся композиционными признаками, приносят в литературу иное понимание жанровой специфики дзуйхицу. Трактовочное построение одного из списков "Хбдзёки" дало многим современным исследователям повод не считать произведение эссеистическим, в то время, как другие списки не вызывают сомнения в принадлежности его к этому жанру.

6. "Макура-но сбси" в разные исторические эпохи были известны по разным спискам, подчас композиционно несхожим. Так, в эпоху Камакура (XII-XIV вв.) широко распространен был список дома Асано (линия "Книги с колофоном 1228 г."), со следами продуманной внутренней организации. Впослед-

ствии стал преобладать список, восходящий к линии "Книги, принадлежавшей Нбин-хбси", для которой в большей степени характерна путаница в расположении элементов и ослабление внутреннего единства памятника.

7. На первой стадии развития дэуьхицу, произведения этого жанра обладали большим внутренним единством, чем позднейшие. Оформилась ассоциативная связь, как сознательный композиционный приём. Структурная характеристика наиболее известных в эту эпоху списков произведений оказала влияние и на дальнейшее развитие дэуьхицу.

М.А.Демидова

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ РУКОПИСНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИЗ ДУНЬХУАНА

1. Благодаря тому, что за последнее десятилетие были изданы каталоги дуньхуанских коллекций Англии, СССР, Китая, Франции и Японии и многочисленные публикации их рукописей, стало возможным сопоставить материалы этих коллекций и перейти к изучению фондов и истории пещеры-хранилища рукописных книг в Дуньхуане.

2. Источниками по истории рукописной библиотеки из Дуньхуана являются колофоны, приписки, печати и библиотечные пометки в дуньхуанских рукописях, а также документы о переписке и приобретении рукописей для монастырских книгохранилищ Дуньхуана.

3. Анализ колофонов и приписок корректоров и жертвователей рукописей показывает, что основная часть книг, обнаруженных в дуньхуанской пещере-хранилище, была создана в Дуньхуанском уезде в У-ХI вв. Кроме того, в числе дуньхуанских книг были рукописи того же периода из Чанъяни, Лояня и других районов Китая. Очень часто переписчиками и корректорами рукописей являлись служители буддийских монастырей.

4. Во многих случаях устанавливается, что созданные в Дуньхуане рукописи до того, как они попали в пещеру-хранилище, находились в буддийских монастырях или частных коллекциях Дуньхуана и близлежащих областей.

5. Рукописные книги, поступавшие в библиотеки Дуньхуана из других районов Китая, приобретались различными способами. Имеются данные о пожертвованиях книг дуньхуанским монастырям правителями Китая, о покупке рукописей для этих монастырей в столице и др.

6. Следовательно, монастыри Дуньхуана были центрами книжной культуры Китая в У-ХI вв. Названные монастыри не только изготовляли рукописи, но и собирали в свои хранилища значительную часть книжной продукции окружающих областей.

Н.В.Елисеева

ПЕРЕПИСКА ИРАНСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ И ПОЭТОВ С Ю.Н.МАРРОМ

1. Первая командировка Ю.Н.Марра в Иран в 1925-26 гг. дала ему возможность установить довольно обширные знакомства в литературных кругах. Эти знакомства, возникнув в личном общении, поддерживались в переписке.

2. Среди корреспондентов Ю.Н.Марра, как показывают материалы его архива, были Сайид Нафиси, Вахид Дастгарди, Каим Маками, Мухаммад Кирмани, Сайид Ахмад Касрави, Талиб-заде, Хусайн Шаджре, Шуа ал-Мулк, Шайх ал-Мулк и другие.

3. Во второй описи архива Ю.Н.Марра сохранилось лишь небольшое количество отпусков (черновиков) его писем иранским корреспондентам. Тщательный просмотр его записных книжек дал возможность выявить несколько черновиков и набросков писем, не вошедших во вторую опись при описании его архива.

4. Отбор писем для настоящего доклада определялся их относительной связностью и значительностью материала, который они дают, а также наличием в архиве дополнительных материалов, относящихся к тому или иному корреспонденту Ю.Н.Марра. По этим соображениям были отобраны письма Шаджре-заде, Шуа ал-Мулка, Касрави и Талиб-заде.

5. Пять писем Шаджре-заде охватывают период с 4 января 1925 г. по 3 мая 1927 г. Единственный отпуск письма Ю.Н.Марра интересен тем, что в нем содержится персидское четверостишие, сочиненное им самим. В архиве имеются также анкетные данные Шаджре-заде, записанные Ю.Н.Марром, и рукопись о музыке, присланная им Ю.Н.Марру.

6. В письме от 1 июля 1926 г. Шуа ал-Мулк сообщает Ю.Н.Марру об отправке ему своей автобиографии и стихов, за что Ю.Н.Марр благодарит его в ответном письме. И стихи, и автобиография Шуа ал-Мулка в архиве сохранились.

7. Письмо Сайида Ахмада Касрави от 5 марта 1930 г. является ответом на письмо Ю.Н.Марра от 17 февраля 1930 г., в котором Ю.Н.Марр спрашивал мнение Касрави по поводу его понимания одного стиха у Катрана. В архиве имеется перевод книги Касрави "Названия городов и деревень Персии" и рецензия на нее, выполненные Ю.Н.Марром, а также некоторые другие материалы, относящиеся к Касрави.

8. Талиб-ваде письмом от 19 августа 1931 г. призывает Д.Н.Марра установить и укрепить научные связи между иранскими и русскими учеными. В нем сообщается также о выполненном Талиб-ваде переводе "Историко-географического обзора Ирана" В.В.Бартольда на персидский язык и о желании Талиб-ваде заняться дальнейшими переводами работ русских ученых. Д.Н.Марр сообщает, что не смог подробно ознакомиться с этим переводом.

9. Переписка Д.Н.Марра с иранскими литераторами и поэтами показывает широту его интересов и глубокую эрудированность в вопросах персидской литературы, а также тот авторитет и уважение, которыми пользовался в Иране советский иранист.

Л.Н.Карская

ВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РУССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА. 1851-1921. ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

1. Русское Археологическое Общество (РАО), основанное в Петербурге в 1846 г., с самого начала своей деятельности ставило задачей исследование не только отечественных древностей, но и археологических (особенно нумизматических) памятников Востока, в большом количестве находящихся в разных областях России.

2. Через 5 лет, к 1850 году, сообщения ориенталистов составили половину всех сообщений в заседаниях РАО и заняли половину места на страницах издаваемых Обществом "Записок". Ввиду этого в 1851 г. было принято решение о разделении РАО на 3 отдела: 1) Отделение русской и славянской археологии, 2) Отделение восточной археологии и 3) Отделение классической археологии.

3. С 1851 по 1921 г. Восточное Отделение (ВО), существуя в рамках РАО, ведет самостоятельную научную работу и издаёт свои печатные органы - "Труды ВО", "Известия ВО", "Записки ВО".

4. В первые годы деятельности ВО не ставило перед собой крупных задач, усилия его членов были направлены на соби́рание и сохранение многочисленных памятников восточной археологии и нумизматики, особенно нумизматики мусульманской. Но по мере накопления и изучения материалов труды членов ВО перестают носить исключительно археологический характер.

5. В первые годы деятельности ВО работы ориенталистов печатались в изданиях РАО - "Записках РАО" и "*Mémoires de Société d'archéologie et de numismatique*". Но вскоре обилие материалов по востоковедению привело к образованию собственного печатного органа - "Трудов ВО". "Труды ВО" издавались с 1855 г. по 1898 г., всего вышло 22 тома, тиражем в 250 экземпляров. В них опубликовано 56 исследований и статей, 40 из них представляют собой материалы по арабистике, иранистике и тюркологии, остальные 16 - работы по монголистике, семитологии и арменистике. Примерно 70% их составляют исследования по истории и археологии, 30% - работы лингвистические.

6. "Известия ВО" издавались с 1858 г. по 1860 г., всего вышло 5 выпусков. В "Известиях ВО" опубликованы протоколы заседаний ВО и мелкие статьи и заметки, всего 14 статей. В основном это материалы по тюркологии и монголистике.

7. С 1859 г. РАО начинает издавать взамен своих "Записок" новый печатный орган - "Известия РАО", где печатаются и работы членов ВО. "Известия РАО" издавались до 1864 г., всего вышло 10 тт., по 5-6 выпусков каждый, тиражем в 500 экземпляров.

8. С 1886 г. ВО издаёт под редакцией Управляющего Отделением В.Р.Ровена "Записки ВО". Они издавались до 1921г., всего вышло 25 тт., тиражем в 510 экземпляров. По первоначальному плану "Записки ВО" должны были служить в большей степени интересам популяризации знаний, чем интересам разработки научных проблем специалистами. Но уже в первые годы издания "Записки ВО" приобрели такую полноту и разнообразие содержания, что стали ведущим органом в отечественном востоковедении и заняли почетное место среди органов европейского ориентализма.

9. В "Записках ВО" опубликовано более 950 различных исследований, статей и рецензий общим объемом в 11000 печ. страниц. Примерно 85% составляют материалы по арабистике, иранистике и тюркологии. Остальные 15% от общего числа работ составляют материалы по китаистике, тибетологии, индологии, семитологии и христианскому Востоку.

10. Кроме разработки научных проблем ВО ведет в "Записках ВО" большую критико-библиографическую работу. Из 950 статей, помещенных в "Записках ВО", 450 представляют собой рецензии, отзывы и обзоры, причем 230 из них - рецензии на отечественные издания, а 220 - на иностранные.

11. ВО занимает особое место среди других русских востоковедных учреждений и интерес к материалам, помещенным в его изданиях, не утратился до сих пор, т.к. многие из этих материалов, особенно публикации памятников и исследования, базирующиеся на них, не устарели и привлекают внимание современных востоковедов.

ТАНГУТСКИЙ ПЕРЕВОД КИТАЙСКОГО ВОЕННОГО ТРАКТАТА СУНЬ-ЦЗЫ

1. Перевод на тангутский язык древнекитайского (6-5 вв. до н.э.) военного трактата Сунь-цзы "Сунь-цзы бин фа сань чжу" - "Трактат Сунь-цзы о военном искусстве, снабженный тремя комментариями" - уникальный ксилограф, хранится в Ленинграде. В тангутском переводе сохранились 7,8,9,10, 11,13 разделы трактата и часть биографии Сунь-цзы (инв.№№ 943, 579, 772, 773, 771). Примерная датировка ксилографа - середина 12 века. В Британском музее хранится одна страница тангутского перевода трактата Сунь-цзы, по-видимому, представляющая собой часть ленинградского экземпляра. Перевод трактата на тангутский язык снабжен тремя комментариями - Цао Цао (в китайском тексте - Цао-гуна, в тангутском переводе - Вэйского Цао), Ли Цюаня и Ду Му.

2. Тангутский перевод трактата Сунь-цзы отличается от сохранившихся до наших дней сунских редакций трактата на китайском языке. В известных нам китайских каталогах нам не удалось обнаружить редакцию Сунь-цзы с тремя комментариями, послужившую оригиналом для перевода на тангутский язык. Расхождения между тангутским переводом и имеющимся в нашем распоряжении сунским текстом Сунь-цзы очень разнообразны: они касаются и композиции, и смысла высказываний, и исторических реалий. Основная же текстологическая примета тангутского перевода трактата Сунь-цзы заключается в наличии в тангутском переводе (в высказываниях Сунь-цзы и комментариях) текста, отсутствующего в сунской редакции трактата. На этом основании делается предположение, что тангутский перевод был сделан с более ранней досунской редакции трактата, не сохранившейся в оригинале. В тангутском переводе другого китайского военного

трактата, также хранящегося в Ленинграде, "Лю тао" - "Шесть секретов" имеются целые главы, полностью отсутствующие в китайском тексте. По-видимому, тангутские переводчики пользовались другими редакциями военных трактатов, по нашим сведениям в оригинале не сохранившимися.

3. В отличие от очень точного, почти всегда буквального перевода китайских классических книг^{х)} на тангутский язык перевод трактата Сунь-цзы сделан более вольно. Вольность перевода трактата на тангутский язык проявляется в следующем: 1) в конкретизации отвлеченных понятий; 2) в том, что метафоры, аллегории, сравнения, которыми изобилует китайский текст трактата, при переводе либо совсем опускаются, либо переводятся описательно; 3) в уточнении географических названий; 4) в описательном переводе китайской военной терминологии. Несмотря на то, что переводчик не стремился дать буквальный перевод трактата Сунь-цзы на тангутский язык, он очень хорошо понимал содержание трактата и точно передавал его на тангутский язык.

В.В.Кушев

ПЕРВОЕ ГРАММАТИКО-ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ О ЯЗЫКЕ ПАШТО И ЕГО МЕСТО В АФГАНОВЕДЕНИИ

1. После периода расцвета афганской литературы в XVI-XVIII веках, когда было написано и размножено в виде рукописных книг большое число поэтических и прозаических произведений, начало XIX века ознаменовалось появлением первых сочинений по афганской грамматике и лексикографии.

^{х)} См. Китайская классика в тангутском переводе (Лунь юй, Мэн цзы, Сяо цзин). Факсимиле текстов. Предисловие, словарь и указатели В.С. Колоколова и Е.И. Кычанова. М., 1966, стр. 11.

2. Основной причиной составления словарей и грамматик была необходимость регистрации, сопоставления и осмысления языковых фактов, содержащихся в накопленном письменном материале, а непосредственным толчком к созданию таких сочинений послужили политические события.

3. В первые десятилетия XIX века по заказу английских властей в Индии местные авторы составили несколько грамматик и словарей языка пашто.

Первым значительным по объему и приводимому материалу является грамматико-лексикографическое сочинение Махаббат-хана "Риййа ал-махаббат" (1806/7 г.), один из немногих списков которого, представляющий собой копию отредактированной автором калькуттской рукописи, хранится в ЛО ИНА.

4. Акад. Б.Дорн широко использовал сочинение в своих первых в Европе работах по грамматике пашто, положил его в основу глоссария к своей хрестоматии и списка афганских племен.

5. Сочинение было весьма ценно тем, что в нем впервые давалось точное чтение каждого слова в словаре и каждой формы в грамматической части, а во введении содержались сведения по фонетике – первая попытка дать объяснение произношения специфических афганских звуков.

В грамматической части автор фиксирует видо-временные и залоговые формы глагола, выделяет формы объектного спряжения, не делая при этом никаких выводов о его существовании и особенностях в афганском языке.

Махаббат-хан устанавливает наличие числа и грамматического рода в именных частях речи, но не отмечает существования падежных форм.

В словаре большое место занимает редко употребляемая лексика.

6. Сочинение, нигде пока не охарактеризованное, и сейчас представляет интерес для афганистики, так как в общей массе фактов содержит и те, которые характерны для языка пашто того времени.

РЕДАКЦИИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ХОНДАМИРА
(ХАБИБ АС-СИЙАР)

1. Хабиб ас-сийар фи ахбар-и афрад-и башар ("Друг жизнеописаний в известиях о выдающихся представителях рода человеческого") - трехтомный труд по всеобщей истории, принадлежащий перу Хондамира - был начат в Герате в 927/1520-1521 г. и закончен там же в 930/1524 г.

2. Названное сочинение уже давно и довольно широко использовалось в науке; однако до сих пор не было обращено должного внимания на тот факт, что автор после окончания сочинения продолжал над ним работать и что эта работа - наша достаточно отчетливое отражение в тексте сочинения, как об этом можно судить по многочисленным его рукописям и существующим изданиям.

3. Известные нам факты позволяют охарактеризовать работу автора над сочинением уже после его завершения вращающиеся следующим образом.

а) Автор дважды заново переписал весь первый том своего труда - один раз в 931/1525 г. и другой раз в 935/1529 г.

Эта последняя переписка сопровождалась добавлением к первому тому особого "заключения", очень важного для биографии автора. Рукопись, переписанная автором в 931/1525г., по-видимому, сохранилась.

б) Наряду с начальной редакцией второго тома сочинения автор создал по крайней мере еще одну позднейшую редакцию или вариант этого тома.

в) Кроме начальной редакции, автор составил не менее двух позднейших редакций или вариантов третьего тома своего сочинения.

4. Последняя переписка первого тома и позднейшие редакции второго и третьего томов сочинения были выполнены

автором уже во время его пребывания в Индии, не ранее 935/1529 г.

5. Без учета факта существования различных авторских редакций (вариантов) каждого из томов сочинения невозможно правильно оценить научное значение дошедших до нас многочисленных рукописей сочинения и их правильно классифицировать; в свою очередь без этого совершенно невозможно должным образом решить задачу критического издания сочинения важнейшего источника для изучения истории Средней Азии и Ирана конца XV и начала XVI вв.

О.П.Петрова

ПЕРВОЕ КРУГОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ РОССИЙСКИХ МОРЯКОВ
В 1803-1805 г.г. И МИССИЯ НИКОЛАЯ РЕЗАНОВА
В ЯПОНИЮ

1. Необходимость рынков сбыта для продукции морских промыслов и пушнины с Камчатки, Курильских, Алеутских и прочих островов и российских владений на северо-западном побережье Америки стимулировала расширение путей плаваний русских моряков в бассейне Тихого океана.

2. Создание Российско-Американской компании в 1799 г. с особыми привилегиями, дарованными ей на 20 лет.

3. снабжение владений компании продовольствием и предметами первой необходимости - основной вопрос существования самой компании.

4. Япония - ближайшая страна к владениям компании, откуда возможно было получение продовольствия и прочих припасов, что обусловило стремление компании войти в торговые отношения с ней.

5. В числе привилегий компании было право держать на службе офицеров царского флота, в числе их был И.Ф.Крузен-

штерн, образованнейший из офицеров флота, служивший стажером в Английском флоте в 1793-99 г.г. и совершавший дальние плавания.

6. Проект Крузенштерна осуществления морской торговли пушниной с Индией и Китаем, одобренный морским министром Мордвиновым в 1802м году и министром коммерции Румянцевым. Поручение выполнения этого проекта самому Крузенштерну и подготовка кругосветной морской экспедиции из Кронштадта через Атлантический океан вокруг Америки к ее северо-западным берегам и далее к Камчатке.

7. Записка коммерциминистра Н.П.Румянцева Александру 1 от 13-го февраля 1803 г. "О торге с Японией" и направление туда посольства для установления дружественных отношений с нею и заключения торгового договора.

8. Проект ноты Японскому правительству, составленный Н.П.Резановым, относительно торгового соглашения с Японией, утвержденный Александром 1-м и основные статьи этого соглашения:

а) Открытие кроме Нагасаки еще одного порта в северной Японии для российских кораблей.

б) Снабжение российских кораблей по сходным ценам продовольствием и припасами.

в) Оказание помощи терпящим бедствие российским подданным.

г) Предоставление свободы торговли российским купцам.

д) Установление необременительных пошлин.

е) Организация русской торговой фактории при условии подчинения русских купцов Японским законам, но с предоставлением свободного входа и выхода в Нагасаки.

ж) Приход российских кораблей с грузом потребных для Японии товаров из С.-Петербурга не ранее 1807 г. и погрузка ими риса, продовольствия и припасов для Камчатки.

9. Назначение Резанова послом в Японию, где он должен был действовать согласно подробно разработанной инструк-

ции. Для придания большего веса его миссии он получил звание камергера двора и был избран почетным академиком.

10. Словари Н.П.Резанова и их значение для японской исторической диалектологии и истории языка.

Выводы: непоправимая ошибка Японского сёгуната, отклонившего предложения миссии Н.П.Резанова, отодвинула на полвека выход Японии из изоляции, задержала развитие экономики северной Японии и поставила Японию перед необходимостью вынужденного заключения неравноправных договоров, навязанных ей США, а вслед за ними и другими державами.

Отказ Японии от переговоров с миссией Резанова был началом, приведшим в конечном итоге к потере Россией ее владений в северо-западной части Тихого океана, продаже Аляски и прилегающих островов.

Л.С.Савицкий

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ДАТИРОВКИ "ЗАВЕШАНИЙ" СРОНГЦАН-ГАНПО

1. Изучение тибетских исторических сочинений X-XIV вв., большей частью хранящихся в МО ИНА, показывает, что существовало три "Завешания" (псевдоэпиграфические по происхождению и агиографические по содержанию) тибетского царя

Сронгцван-гампо (ум. в 649 г.н.э.), объединителя Тибета, способствовавшего распространению буддизма:

1) "Завещание" из Чхин-пу (местность в области Ярлунг, где находится гробница этого царя), известное по нескольким небольшим цитатам; оно, видимо, самое раннее, так как упомянуто в "Ба Шед" (редакция XII-XIII вв.);

2) "Завещание" из Лхасы ("Качхем-какхолма", "Завещание, спрятанное у колонны"), одна редакция которого (основная?) известна в нескольких кратких цитатах, а другая - составляет уникальную рукопись, находящуюся в ЛО ИНА (первые сведения о рукописи - в книге: А.И.Востриков, Тибетская историческая литература, М., 1962, стр.24-25); "Завещание" якобы найдено Атишей (982-1054) у колонны главного соборного храма в Лхасе; наиболее вероятное время создания "Качхем-какхолма" - первая половина XIV в. (А.И.Востриков - там же - называет XIII-XIV вв.), что подтверждается следующим:

а) памятник (как, впрочем, и два других "Завещания") не упомянут в тибетских исторических хрониках (в том числе, в погодной, охватывающей 650-763 гг.) из Дунхуана (не позднее IX-XI вв.), в собраниях сочинений пяти сакьяских иерархов (XI-XIII вв.) и в ряде других произведений, что дает основание установить наиболее раннюю границу создания памятника - начало XIV в.;

б) историческое сочинение "Красные книги" (1346 г.) содержит упоминание "lha-sa'i-ka-tahig-ka-khol-ma", в чем надо видеть "bk'a-chems-ka-khol-ma"; апокрифический памятник "Катан-дэнга" ("Пять сказаний", вторая половина XIV в.) сообщает о некоем книжном кладе, якобы спрятанном Сронгцван-гампо у колонны лхасского храма; вполне вероятно, что это имеет связь с легендой в "Качхем-какхолма"; следующее (самое полное и точное) упоминание "Качхем-какхолма" находится в биографии Цзонхавы (1357-1419), написанной Кхай-дуп Гелег-пацзангпо (1385-1438).

Из этого следует, что наиболее поздняя граница создания "Качхем-какхолма" - середина XIУ в.;

3) апокрифический сборник "Мани-кабум" ("Собрание творений Сронгцзан-гампо"), имеющий в своем составе "Предсмертное завещание Сронгцзан-гампо всему тибетскому народу" - самый поздний "Завет" царя, упоминающий два других и не называющий конкретного места своего "открытия", что можно объяснить занятостью всех наиболее правдоподобных мест для "клада"; находящиеся в нашем распоряжении данные показывают, что А.И.Востриков (см. книгу) - прав, когда относит создание "Мани-кабум" ко второй половине XV- началу XVI вв.

4. Если "Мани-кабум", как следует из анализа содержания, создавалось под непосредственным влиянием "Качхем-какхолма", то связь между этими двумя "Завещаниями", с одной стороны, и "Завещанием" из Чхин-пу - с другой, установить значительно сложнее (этот последний "Завет" нам известен по слишком малому числу цитат).

5. Прославление Сронгцзан-гампо, светского правителя Тибета, более всего было необходимо феодальным родам, соперничавшим с иерархами буддийских сект в борьбе за власть. Возможно, создание "Качхем-какхолма" следует связывать и с борьбой против монгольского господства в Тибете в первой половине XIУ в. Эту борьбу возглавляла светская феодальная знать в лице Тай Ситу Джанчхуп-джалцана (1302-1373), основателя династии Пхагмо-дуп и, в конечном итоге, правителя Тибета. Его поддерживал монастырь Дри-кунг, активно выступавший против засилья иерархов секты Сакья, которая опиралась на могущество монголов.

**"ТА'РӢХ-И СӢСТӢН" КАК ВОЗМОЖНЫЙ ИСТОЧНИК
"ИХӢА АЛ-МУЛӢХ"**

1. Анонимная "Та'рӢх-и СӢстӢн" и "ИхӢа ал-мулӢх" ШӢх-Хусейна б.Малика б.МахмӢда СӢстӢнӢй, - единственные дошедшие до нас местные хроники, посвященные Систану, некогда обширной и богатой области в низовьях реки Хильменд. Первая из них, "Та'рӢх-и СӢстӢн", в основной своей части составлена в XI в., вторая, "ИхӢа ал-мулӢх", - в конце XVIIв. (1675 г.). Дошедший до нас текст "Та'рӢх-и СӢстӢн" - на персидском языке. Однако нельзя с уверенностью сказать, является ли он оригинальным или же это перевод (или обработка) арабского текста. Источники сочинения не установлены. Те, которые упомянуты в самом тексте сочинения, утеряны.

2. При сопоставлении текста обоих сочинений бросается в глаза близость части их введения ("Та'рӢх-и СӢстӢн" - сс. 3-17, 21-24, 33-35; ИхӢа - сс.10-12, 14-15 (частично), 16 (частично) - 17 (частично), 19 (частично), 23 и 24 (частично). Этот факт был отмечен как Малек ош-шора Бахаром, издавшим "Та'рӢх-и СӢстӢн" (Тегеран, 1935), так и Манучехром Сотуде, издавшим "ИхӢа ал-мулӢх" (Тегеран, 1966).

3. Введение в "ИхӢа ал-мулӢх" в части, близкой к тексту "Та'рӢх-и СӢстӢн" и посвященной описанию достоинств (фаза'ил) Систана, предваряется словами: "А вот превосходства Систана над некоторыми другими местами (амкане), как об этом написали МавлӢнӢ Шамс ад-дӢн МухӢаммад МавӢлӢй и МахмӢд б.ЙӢсуф ИсфӢхӢнӢй".

4. Малек ош-шора Бахар на основании этих слов автора "ИхӢа" и близости последующего текста введения к тексту соответствующего раздела "Та'рӢх-и СӢстӢн" пришел к выво-

ду о том, что упомянутые лица и являются авторами "Та'рих-и Сйстāн".

5. Манучехр Сотуде, издатель текста "Ихйā ал-мулūk", также как и Бахар, исходя из близости текста упомянутого раздела, говорит о широком использовании автором "Ихйā ал-мулūk" материалов "Та'рих-и Сйстāн", в постраничных примечаниях прямо указывая, что тот или иной рассказ взят (переписан-нағл шодаст) из "Та'рих-и Сйстāн", иногда с небольшими отклонениями (ба кām-и эхтелаф), напр., сс.12, 13,15 и др. Манучехр Сотуде добавляет при этом, что, если бы в тексте "Ихйā ал-мулūk" не имели место ошибки вроде приписывания авторства сочинения "Сийар ал-мулūk-и 'адхам" Қудāме, то можно было бы говорить, что оба автора пользовались одним и тем же источником.

6. Вместе с тем, детальное сопоставление текстов выявляет факты, дающие основание предполагать, что вводная часть (муқаддиме) в "Ихйā ал-мулūk" не произошла непосредственно от текста "Та'рих-и Сйстāн" в его дошедшем до нас виде и что скорее всего оба текста восходят к общему источнику.

Прежде всего, тексты (в упомянутой вводной части) имеют лишь сходную сюжетную канву. Текстуальной тождественности (также как и буквальных совпадений в выражениях) нет: в "Ихйā" — иная последовательность рассказов, рассказы отличаются деталями; ряд рассказов, заслуживающих, на наш взгляд, внимания, не представлен и, напротив, есть рассказы, не отмеченные в "Та'рих-и Сйстāн". Наблюдаются мелкие фактические расхождения. Отдельные рассказы в "Ихйā" отличаются логической неясностью (напр., рассказы о происхождении названий Заранг и Нёмрӯз, сс.16-17). Напротив, там, где в "Та'рих-и Сйстāн" есть логические неувязки (с.4), в "Ихйā" (с.23) их нет. Имеются примеры того, как одинаковые явления обозначены в текстах разными терминами, как если бы их авторы передавали по-

персидски аналогичного значения иноязычный термин (ср. мёш-и кёхй в "ТС", с.14, и гоёфанд-и кёх в "Ихйā", с.15) и др.

Вряд ли можно согласиться с положением М.Сотуде относительно приписывания авторства "Сийар ал-мулук-и 'аджам" Қудāме (см.выше). Сочинение 'Абдаллаха б.ал-Муқаддīи пользовалось широкой известностью, и нет ничего удивительного в том, что в "Ихйā" имя его автора опущено. Абӯ-л-Ғарадж Қудāма, как и положено, упоминается как автор "Kitāb ал-харādх". Однако между названиями этих источников отсутствует соединительный союз "ва" (явление, кстати сказать, весьма обычное для данного текста, ср. на стр.14: Абӯ л-Муаййад-и Балхй Батар-и Муқассим...āварде вм. Абӯ л-Муаййад-и Балхй (ва) Батар-и Муқассим... āварде).

7. Этим источником могло быть упомянутое в "Ихйā" сочинение Мавлāнā Шамс ад-дйн Мухаммада Мавālй и Махмӯда б.Йусуфа Исфахāнй. Как известно, в "Та'рих-и Сйстāн" в том месте, где автор должен был перечислить свои источники, после названия "Kitāb-и Гаршāсп" отмечается лакуна.

А.П.Терентьев-Катанский

ФОРМА ТАНГУТСКОЙ КНИГИ

1. В понятие формы книги входят такие элементы, как брошюровка, переплет, пагинация. Тангутский фонд ЛО ИНА АН СССР, благодаря обилию материалов, может дать полное представление о форме тангутской книги.

2. Наиболее архаичной формой брошюровки является свиток. Еще до изобретения бумаги в Китае пользовались для письма шелковыми свитками. Так же выглядели первые книги на бумаге и даже первопечатные книги.

Видоизменение свитка представляет собой книга -гармоника".

Дальнейший шаг вперед, к современному книжному блоку, представляет книга - "бабочка".

Иногда рукописная книга состоит из листов, сложенных вдвое, вчетверо и более.

По-видимому, через Тибет к тангутам попал индийский способ брошюровки - "потхи". Это - отдельные, не скрепленные между собой длинные листы.

Брошюровка "потхи" употреблялась тангутами только для буддийских произведений. По-видимому, то же можно сказать и о "гармонике".

3. Переплетов в собственном смысле этого слова в Тангутском фонде обнаружено очень мало. Подавляющая масса книг имеет только обложки.

В Тангутском фонде хранится образец свитка в обложке.

Обложки книг - "гармоник" - подклеенные к первой и последней странице листы плотной бумаги. Нередко они оклеены цветной бумагой или материей.

Как любопытный пример переплета книги - "бабочки" можно привести кожаный переплет.

Как правило, большинство обложек снабжено ярлыками с названиями книг.

4. В свитках и "гармониках" пагинируются отдельные листы (полистная пагинация).

У печатных "бабочек" пагинация и сокращенное название книги находятся на "байкоу" (китайский термин, обозначающий чистое место, отбитое двумя линиями посередине печатного листа).

Рукописные книги, по-видимому, не пагинировались.

Пагинация тангутских "потхи" ставится справа, а не слева, как у тибетских "потхи". Рядом с пагинацией стоят тангутские идеографы, точное значение которых пока не установлено.

5. Форма книги определяет и книжные термины. У тангутов их было значительное количество.

Некоторые из тангутских книжных терминов являются калькой с китайских. Например, слово "цзянь", первоначально обозначавшее у китайцев "свиток шелка", переводится на тангутский язык словом, также имеющим значение "сворачиваться".

Помимо этого, существовал ряд терминов местного происхождения — обозначение цзяня через показатель порядкового числительного, специальные термины для понятия "редактировать", "переводить" и т.д.

Н.Н. Туманович

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА РОДА ГЕРАТСКИХ ФЕОДАЛОВ XV — НАЧАЛА XIX вв.

Рукопись ЛО ИНА С 402 относится к сравнительно редкому для персидской литературы жанру. "Тазкире" ("Памятные записки") Мухаммада Риза б. Мухаммада Казима Барнабади содержат семейную хронику знатного гератского рода на протяжении четырехсот лет, подкрепленную копиями различных документов семейного архива и завершающуюся автобиографией составителя.

Точной даты начала работы Мухаммада Ризы над своими записками в рукописи нет, а конец списка отсутствует. Однако анализ текста позволяет считать 1806–1811 гг. наиболее вероятным временем создания дошедшей до нас части этого сочинения.

На протяжении всего текста сочинения Мухаммад Риза неоднократно называет его "Тазкире" — "Памятными записками" (фл. 2а, 11б, 12б, 28б, 35б и мн. др.). Кем то из поздних владельцев рукописи уже после того как ее переплели в Сред-

ней Азии (оттиск печати переплетчика 1870-1871 гг.) было придумано не существующее в тексте название **تاریخ رضائی** ("Ризаева история" или "История (рода) Ризы").

"Тавкире Мухаммада Риза Барнабади до настоящего времени не засвидетельствовано в других собраниях персидских рукописей; имеется лишь устное сообщение о том, что части этого сочинения находятся в Афганистане.

Как нарративный источник, это сочинение интересно описаниями событий периода феодальных междоусобиц в районе Герата в конце XVIII - начале XIX вв.; оно дает также представление о ховяйстве крупного феодала на большом отрезке времени - XV - начало XIX вв. - с приведением конкретных данных и цифр по сельскому ховяйству. "Тавкире" является и важным документальным источником - в нем содержатся копии девяти документов - пожалований, дарственных грамот, завещаний, а также пятидесяти писем представителей рода автора к крупным государственным чиновникам. Произведение Мухаммада Риза Барнабади заслуживает внимания и как памятник литературы: около четверти всего текста - стихотворения поэтов из рода барнабадских владетелей. Произведения поэтов гератского круга, отражающие литературные вкусы на протяжении трех-четырёх веков - небезынтересная тема для истории персоязычной литературы.

Д.Е.Борщевский

"МУСУЛЬМАНСКИЙ ГЕОГРАФ МУХАММАД Б.ИАХИЯ ИЗ ИНДИИ",
ПРИПИСЫВАЕМОЕ ЕМУ "СУВАР АЛ-АҚАЛИМ" И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ
СОЧИНЕНИЕ ХАФИЗ-И АБРУ

"...Писарь, когда писал "прапорщики-жъ
такие-то в подпоручики", перенес на
другую строку слог **кѣжъ**, написав при

¹⁾ Под этим названием, но приведенным в ошибочной форме **تاریخ رضائی** рукопись впервые была описана Н.Д.Миклухо-Маклаем. Описание таджикских и персидских рукописей, вып.2, М., ИВЛ, 1961, стр.62-64, № 134.

этом большое К.Государь... тут же написал: "Подпоручик Кижь в поручики". На другой день он перевел Кижь в штабс-капитаны..." "Павел 1. Собрание анекдотов, отрывков, характеристик, указов и пр. Составили Александр Гено и Томич". СПб., 1901, стр.174.

1. "Географ" этот начал свое путешествие по страницам европейских научных работ в 1879 г., когда Ч.Рёз упомянул его как автора использованного в "Географии" Хадиф-и Абрӯ труда "Сувар ал-ақълӣм". В 1897 г. В.В.Бартольд отождествил этого автора и его труд с одноименным конкретным текстом, сохранившимся, в частности, и у нас (А 253). Вслед за Бартольдом это сочинение приписали Мухаммаду б. Йахйе А.-З. Валиди (1915) и Крамерс (1938); Э.Блоше (1905), И.Ю.Крачковский (1941 - 42, изд. 1957), Н.Д.Миклухо-Маклай (1955) считают авторство Мухаммада б.Йахьи недоказанным; А.Т.Тагирджанов (1962) отрицает его.

2. Атрибуция сохранившегося текста "Сувар ал-ақълӣм" сделана В.В.Бартольдом и его последователями только на основании сходства заглавий. Сомнения в авторстве Мухаммада б. Йахьи, как и отрицание его, вызваны только тем, что этот труд был, возможно, написан в Кермане (Б.Дорн, 1869), тогда как Мухаммад б.Йахйӣ, если верить Хадиф-и Абрӯ, должен был писать в Индии. В том, что этот автор существовал и написал "Сувар ал-ақълӣм" никто из перечисленных исследователей не сомневается.

3. Обширное введение к "Географии" Хадиф-и Абрӯ основано на "Джахън-нәме" Мухаммада б. Наджйба Бакрәна (1208-09), а предисловие к введению целиком взято из "Джахън-нәме" и лишь слегка перефразировано; перечисленные в этом предисловии сочинения, принятые за источники труда Хадиф-и Абрӯ на самом деле являются источниками "Джахън-нәме". Они не были использованы Хадиф-и Абрӯ.

4. В их числе Мухаммад б.Наджиб Бакран упоминает сочинение "Ашкāl-и ақālīm" ("Карты климатов", как и "Сувар ал-ақālīm"), автором которого был Мухаммад б.Бахр ар-Рухнī (конец IX - начало X в. н.э.). В нашей рукописи "Джахан-наме" это имя дано в форме: محمد بن بحر الرهنی. В более поздней парижской рукописи оно искажено еще больше: محمد بن بحر الرهنی. Очевидно, искажено оно было и в списке, которым пользовался Хāфиз-и Абрӯ: нисбу "ар-Рухнī", происходящую от мало известного местечка под Керманом, приняли за нисбу "ал-Хиндī" (الهندي), а имя Бахр (بحر) написанное без точек, за более распространенное имя Йахйā (يحيى). Так, в результате ошибки писца, возник никогда не существовавший "мусульманский географ Мухаммад б. Йахйā из Индии".

5. Заглавия являются очень неустойчивым элементом мусульманских сочинений: недошедший до нас географический труд Абӯ Зайда ал-Балхī именовался и "Сувар ал-ақālīm", и "Ашкāl ал-билād", и "Тақвīm ал-булдāн". "Джахāн-наме" в той же "Географии" Хāфиз-и Абрӯ не раз ошибочно названо "Джахāн-и дāниш". Подобных примеров много и смена заглавия "Ашкāl-и ақālīm" на "Сувар ал-ақālīm" - процедура обычная.

6. Сличение текста написанного в 748/1347-48 г. "Сувар ал-ақālīm" (наша А 253) с "Географией" Хāфиз-и Абрӯ показывает, что это сочинение не было им использовано. Анализ текста позволяет привести следующие не отмеченные ранее данные: анонимный автор "Сувар ал-ақālīm" действительно был в Кермане в 740/1339-40 г., но он много путешествовал - посетил Багдад, побывал в Фарсе, жил в Хормузе и даже совершил какое-то морское путешествие. Кроме карты мира, он также составил таблицу распределения населённых пунктов по долготам и широтам, а в его сочинении имеются ценные сведения. Так, в нём содержится одно из ранних упоминаний о посещении Табриза европейскими купцами и о путешествии одного из жителей Табриза в какую-то

европейскую страну (мулк-и франг). Таким образом, суровая характеристика, данная этому сочинению Ч.Ръё не вполне оправдана и оно заслуживает внимательного изучения.

7. Атрибуция "мусульманских" сочинений, основанная на их названиях, чревата ошибками. В данном случае она не только ввела в научный обиход никогда не существовавших автора и сочинение, но и "скрыла" реальное, хотя и не обнаруженное пока арабское географическое сочинение весьма интересного автора конца IX - начала X в. Мухаммад б.Бахра, который происходил из Рухна под Керманом и писал по-арабски.

И.Д.Амусин

НОВЫЙ ТЕКСТ ИЗ КУМРАНА (11Q Melch) И ДРЕВНЕРУССКАЯ АПОКРИФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Изданные в 1965 г. А.Ван дер Вуде (Голландия) фрагменты текста, получившего провизорный сигл 11Q Melchisedek, значительно расширяют наши представления об эсхатологических воззрениях кумранской общины и бросают новый свет на одно из наиболее до сих пор загадочных произведений новозаветного канона - "Послание к евреям".

Герой нового текста Мелхиседек - многофункциональный небесный образ: небожитель, глава сонма ангелов, эсхатологический судья и мститель божественной мести, "помазанник духа" и благовестник, провозвестник спасения и искупитель. Этот столь интересный и значимый эсхатологический образ не находит своего объяснения в скудной ветхозаветной традиции о Мелхиседеке, а также в последующей ее трактовке в талмудической и мидрашистской литературе. В то же время кумранский текст перекликается с уникальным "Посланием к евреям", в котором гиперболизированный образ Мелхиседека приобретает черты прообраза и предшественника

Иисуса Христа. Новый кумранский текст помогает приоткрыть завесу над тайной адресата "Послания к евреям", давно дискутируемой в новозаветной науке.

Развитие образа Мелхиседека в кумранском и новозаветном текстах ставит проблему происхождения этого образа, его генетических связей с предшествующей еврейской традицией. А priori следует предполагать наличие традиции о Мелхиседеке в еврейской апокрифической литературе. Между тем, ни в апокрифической книге Юбилеев, ни в апокрифических книгах Еноха 1 (Эфиопско-греческая версия) и Еноха 3 (т.н. "Еврейский Енох") нет никаких реминисценций о Мелхиседеке.

Следы существования цикла древнееврейских легенд о Мелхиседеке ведут к апокрифическому Еноху 2 ("славянский Енох") и к ряду древнерусских сказаний о Мелхиседеке, сохранивших древнееврейское ядро, восходящее, по-видимому, к дохристианскому периоду. В гл. 23-ей Славянского Еноха повествуется, о чудесном рождении Мелхиседека в результате непорочного зачатия, что невозможно себе представить как позднее сочинение христианского писателя. Как показали исследования советского слависта Н.А.Мещерского, первоначальное ядро славянского Еноха — его краткая редакция находится в зависимости от недошедшего еврейского оригинала. Дальнейшие наблюдения над происхождением гл. 23-ей, вопрос о ее древности и языке ее оригинала находятся в компетенции специалистов по славянской филологии.

На данной стадии изучения недавно опубликованного кумранского текста 11Q Melch. возможны лишь предварительные выводы в самой общей их форме.

В свете 11Q Melch. "Послание к евреям" перестает быть самым загадочным произведением Нового Завета. Новый кумранский документ помогает прояснить реальную подоснову этого произведения. Это первый раз показывает то большое значение, которое имеют кумранские рукописи для понимания истории новозаветной литературы.

Авторы 11Q Melch и "Послания к евреям", по-видимому, имели в своем распоряжении традицию, следы и отголоски которой сохранились в древнерусской апокрифической литературе. Если это так, то тем самым обнаруживается значение, которое имеет древнерусская апокрифическая литература для изучения кумранских рукописей. В свою очередь, кумранская литература, очевидно, помогает лучше понять историю древнерусской апокрифической традиции.

Н.А.Арзуманян

БОЕВЫЕ СЛОНЫ В САСАНИДСКОЙ АРМИИ

1. Исследование структуры сасанидской армии представляется весьма важным для понимания истории Ирана III - нач. IV вв. н.э. Несомненно, что организация, система комплектования, вооружение и тактика сасанидской армии претерпевали значительные изменения на протяжении четырех столетий, насыщенных военными кампаниями.

Детали этого процесса можно проследить, привлекая письменные источники (в первую очередь римско-византийские и армянские, а для позднего периода - арабо-персидские), однако, общая картина эволюции сасанидского войска еще не восстановлена.

2. Отряды боевых слонов выступали в качестве самостоятельных подразделений в составе персидской армии.

Среднеперсидские источники, относящиеся к сасанидскому периоду, не дают материалов для определения структуры и тактики отрядов слонов в армии (в частности, во время военных кампаний). Поздние источники (арабские - Табари, Мас'уди и др., персидские - Бал'ами, Мирхонд), сообщают лишь немногие данные об участии слонов в военных действиях.

3. Сообщения историков-современников, представителей враждебного Ирану лагеря (римских - Лампридия и Марцеллина и византийских - Прокопия Кесарийского и Симокатты), гораздо более подробны, но нуждаются в критическом подходе.

4. На поле битвы слоны занимали вторую тактическую линию (после конницы), и появление их в военных порядках персидской армии преследовало прежде всего психологические цели - слоны должны были сеять страх в рядах неприятеля. Однако подразделения боевых слонов выполняли и тактические задачи. Нападая на тесный строй вражеских войск, боевые слоны облегчали уничтожение живой силы противника. Находящиеся на спинах животных башни являлись удобными укрытиями для двух стрелков, которые имели возможность свободно обстреливать неприятельских воинов.

5. Детальное изучение источников вместе с тем показывает, что боевые слоны являлись лишь вспомогательным родом войск в персидской армии; в ряде случаев можно установить, что их участие в битвах не имело решающего влияния на исход военной кампании.

С.М.Бациева

УЧЕНИЕ О "ДВОЙСТВЕННОЙ ИСТИНЕ" АВЕРРОЭСА - ИБН ХАЛДУНА

1. Учение Аверроэса "о двойственной истине" отделило науку от религии; Аверроэс допускал, однако, возможность компромисса веры и знания; вслед за остальными арабскими философами, он считал высшей целью человеческого разума познание мира сверхъестественных явлений; "истинное блаженство" для человека, по его учению, состоит в соединении деятельного разума человека с божественной сущностью.

2. Теория "двойственной истины" получила свое дальнейшее развитие у Ибн Халдуна, категорически разграничившего

области веры и знания. Ибн Халдун критикует философов, пытавшихся рациональными доводами решать метафизические проблемы; в своей теории познания Ибн Халдун доказывает невозможность постижения трансцендентных явлений путем логических умозаключений.

3. Понятие о первопричине и мире сверхчувственных явлений, представление о загробном мире относятся целиком к области веры. В жизни человеческого общества вера играет роль лишь в вопросах личного нравственного самоусовершенствования людей.

4. Разум человека обладает способностью постигать все явления материального мира, в том числе закономерности жизни человеческого общества. Высшей целью человеческого разума является изучение этих закономерностей.

5. Теория познания – единственная философская проблема, нашедшая подробное изложение на страницах произведений Ибн Халдуна в связи с вопросом о движущих силах развития человеческого общества.

6. Закономерности и движущие силы развития человеческого общества внутренне присущи самому обществу, а не приносятся извне; трансцендентный момент не играет роли в развитии человеческого общества, возможность постижения его отдельными людьми (пророки, суфьи) не оказывает никакого воздействия на ход мировой истории. Религия в жизни общества играет роль лишь политического фактора, содействующего сплочению людей.

О.Г.Большаков

ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ГОРОДА (УП – XII вв.)

1. Среднеазиатские города УП–XII вв., как правило, были небольшими резиденциями феодалов, в которых торговая и ремесленная деятельность имела второстепенное значение.

2. Арабское завоевание изменило состав городской верхушки и лишило большинство феодалов политической власти. Вследствие этого утратили прежнее значение многие города-резиденции; в развитии городов основное значение стала иметь торгово-ремесленная деятельность.

3. В течение IX в. происходят большие изменения: всюду (кроме Согда) растет число городов, старые города разрастаются в несколько раз, устанавливается тип более свободной застройки (поэтому рост городской территории обгоняет рост населения).

4. Частная земельная собственность в городах является ключом к пониманию многих сторон экономической и социальной жизни среднеазиатских городов. Ею определялось могущество и стабильность городской верхушки, характер застройки и даже неизменность городской планировки. Чрезвычайно высокая земельная рента в городах привлекала в них феодалов, заставляла их приобретать участки с доходными постройками, или для постройки таковых.

5. Наличие сильной центральной власти, опиравшейся обычно на вооруженную силу кочевников, не позволило развиваться политической автономии города, хотя некоторые элементы внутригородской организации все же появились.

6. В X-XI вв. сформировался характерный облик феодального города Средней Азии. После периода бурного роста число городов в течение веков почти не менялось, отражая замедление развития экономики.

К.В.Васильев

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

1. При изучении древнекитайской историографии нельзя ограничиваться только наличным составом дошедших до нас памятников.

Известно, что ссылки и цитаты, во множестве встречающиеся на страницах источников VIII—III вв. до н.э., хранят память о десятках книг, утраченных еще в древности и неизвестных составителям ханьских литературных каталогов. В ходе классификации данных об этих книгах сразу же бросается в глаза то, что в общей культуре древнего Китая был велик удельный вес исторического знания. Действительно, наибольшее число ссылок падает на исторические сочинения.

2. Древние авторы чаще всего упоминают равного рода "записи". Цитаты из этих древних сочинений, пересказав их содержания, а также ряд указаний общего характера дают основание считать, что имелись в виду записи об исторических событиях и лицах.

3. По-видимому, столь же многочисленную группу составляли исторические сочинения типа чуньцю. Сохранилось утверждение Мо-цзы (ок. 468—376 гг. до н.э.): "Я видел чуньцю, происходящие из ста царств". Известны упоминания чуньцю царств Цзинь, Чжоу, Сун, Ци и Янь. Наряду с ними упоминаются истории этих царств, составленные из записей, ведшихся при дворах правителей чиновниками-хронистами. Это обстоятельство дает основание предполагать неофициальный характер восточно-чжоуских чуньцю, бывших, по-видимому, результатом чисто литературных склонностей древнекитайских книжников, которые писали их по собственной инициативе.

П. 1. К сожалению, те сведения, которыми мы располагаем о древних чуньцю, весьма неполны и отрывочны, поэтому судить об их внутренней структуре и других особенностях содержания приходится только по догадкам. Можно высказать предположение, что для них был характерен хронологический принцип изложения.

2. Последний позволял составителям подобных сочинений включать в них разнородные по своему характеру исторические рассказы. В ряде случаев в основу этих рассказов было положено историческое предание, возникшее либо одновремен-

но с породившим его историческим фактом, либо сразу после него. Судя по параллельным данным "Цзо чжуаня" и "Го юя", вскоре после появления в свет таких преданий, они должны были быть зафиксированы письменной традицией, ибо трудно себе представить, что спустя несколько десятилетий или столетий картина отраженных в них событий могла сохраниться в памяти передатчиков так подробно, с такими деталями и со столь точными хронологическими указаниями. Что касается разных легендарно-исторических сказаний о далеком прошлом, унаследованных людьми периодов Чуньцю и Чжаньго от предшествующих поколений, то известны свидетельства, что к V-IV вв. до н.э. они также были собраны и записаны ("Го юя", 1,12; XV1, 1).

3. Наиболее примечательной чертой тех заимствованных из чжоуской, сунской, циской и яньской чуньцю текстов, которые сохранились в трактате Мо-цзы, является обилие речей, вложенных в уста исторических лиц.

Ш. 1. Очевидно, однако, что нельзя судить о характере и о происхождении речей, занимавших, по-видимому, столь заметное место в исторических сочинениях типа чуньцю лишь на основании сделанных из них в свое время заимствований. Такую возможность представляет содержание "Го юя", сборника исторических текстов VIII-V вв. до н.э., включающих речи правителей и государственных деятелей того времени. Для него, как полагают, чуньцю различных царств послужили источником.

2. Согласно традиции и мнению некоторых современных исследователей, в "Го юя" воспроизведены подлинные речи, действительно некогда произнесенные теми, кому их приписывает историческое повествование памятника. Однако изучение речей "Го юя" заставляет сделать иной вывод. Обычно эти речи оказываются "сочинениями на случай", вызванными к жизни теми или другими обстоятельствами политической полемики. Те, в уста которых вложены речи, являлись всего лишь псевдонимами их подлинных авторов.

3. Следующие наблюдения делают очевидным вымышленный характер речей:

а) согласно обрамляющему тексту некоторые речи были произнесены при обстоятельствах, исключающих присутствие третьих лиц, которые могли бы запомнить или записать их содержание ("Го кй", УП, 4,6,8).

б) Одну и ту же речь разные памятники приписывают разным лицам ("Го кй", 1У,2. "Цзо чуань", Ш, 24, 1).

в) В речах встречаются неправдоподобные детали, анахронизмы ("Го кй", ХХ1, 4).

г) Литературное происхождение речей выдает и то, что часто они составляют неразрывное единство со своим повествовательным контекстом, вне пределов которого лишены смысла.

И.В.Виноградов

СКАЛА УРОЖАЙНОСТИ ЕГИПЕТСКИХ ПОЛЕЙ ПО ДОКУМЕНТАМ НОВОГО ЦАРСТВА

Общепринято мнение, что египетское определение качества земли находилось в зависимости исключительно от ее положения относительно воды, то-есть, способности к обводнению.

Между тем, приходится убедиться в том, что классификация земли во времена позднего Нового царства была более сложной, чем в последующие эпохи египетской истории, когда различались только две категории земли - высокая и низинная.

Знакомство с документами Нового царства убеждает в том, что в те времена существовала система классификации по качеству, находящаяся в значительно более сложном соотношении с классификацией земли по ее физическому положению, чем это признано до сих пор.

Гардинер полагал, что так называемая земля каит ("возвышенная земля") вовсе не является высокой землей, недоступной естественному орошению, так как из материалов папируса Вильбур следует, что категория каит охватывает чуть ли не весь массив египетских полей.

В более позднюю эпоху каит противопоставляется "островной земле", то-есть, земле, расположенной в непосредственной близости к водоему, однако, в Новом царстве каит противопоставляется двум классам земли - тени и нехеб. Но эти классы не всегда соответствуют характеристике земли по ее физическому положению.

На основании многочисленных материалов удалось прийти к выводу, что земли тени и нехеб располагаются преимущественно по соседству с водоемами, а в удалении от воды встречаются крайне редко. Казалось бы, это подтверждает прежнее представление об определении земли по качеству в зависимости от ее физического положения. Однако, это не так, ибо на той же "островной земле" неизменно встречается и категория каит.

Складывается мнение, что характеристика каит, тени и нехеб является чисто абстрактной шкалой урожайности, а не постоянным свойством пашни, то-есть, не связана конкретно с каким бы то ни было физическим состоянием поля, хотя нельзя отрицать, что физическое состояние тоже учитывалось.

Это положение со всей очевидностью подтверждается материалом папируса Вильбур, где все характеристики поля используются исключительно как чисто абстрактные понятия, связанные только с нормами урожайности, и где приводятся постоянные пересчеты по тем или другим нормам в зависимости от того, в каких единицах урожайности удобнее выразить то или иное количество зерна.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ГОСУДАРСТВА ЦЗИНЬ (XI-XII вв.)

До провозглашения государства Цзинь у чжурчженей правовые отношения находились на стадии перехода от кровной мести к фиксированным пеням. Деятельность основателя "царского" дома по легенде как раз и начинается с посредничества между враждующими родами и с введения пени за убийство, выплачиваемой одновременно людьми, скотом и золотом. Установление твердых ставок явилось следующим этапом развития системы пеней. Кроме пени за убийство существовала пеня за воровство, размер которой менялся трижды в сторону ее уменьшения (10-7-3-х кратная). В отличие от наказания за убийство кара за кражу ограничивалась материальной пеней, взимаемой индивидуально с виновного. Преступление против жизни членов рода считалось значительно более тяжелым, чем похищение их имущества. Даже погорелец, убивший поджигателя, рассматривался как обыкновенный убийца. Это свидетельствует о стойкости родовых традиций. Понятие государственных и должностных преступлений, а также дифференциация мер наказаний в зависимости от сословной принадлежности потерпевшего и преступника еще не сложились из-за отсутствия развитых классовых отношений. Впрочем в конце периода отдача в рабство семей преступников, наказание смертью за грабеж, нарушение прежних правовых норм становятся частыми явлениями. Попытка регламентации мер наказаний в 1110 г., установление определенной судебной процедуры уже относятся к области оформления обычного права в ходе сложения государственности.

После провозглашения империи Цзинь среди населения еще долго бытовали нормы обычного права, хотя государственное законодательство было представлено рядом кодексов. В основу наиболее важного из них - кодекса годов тайхэ (1201г.) -

положен постулат законности наказаний и устранения судебного произвола. При установлении состава преступления клевета, проклятие, а в некоторых случаях и бездействие, рассматривались как преступления. При назначении мер наказания кодекс дифференцировал стадию совершения преступления (замысел, приготовление, создание шайки, покушение, совершенное преступление), определяя степень вины обвиняемого: его роль как организатора, подстрекателя, исполнителя, наличие или отсутствие умысла, учитывал смягчающие (малый или преклонный возраст, болезнь виновного) и отягчающие вину обстоятельства (организацию шайки, рецидив или совершение нескольких преступлений одновременно), признавал коллективную ответственность преступника и членов его семьи при совершении особо тяжких преступлений. Обычные наказания - смертная казнь, ссылка, каторга, палки, батоги - назначались рядовому населению. Особым наказаниям подвергались чиновничество и духовенство за служебные проступки. Право на помилование имели малолетние преступники, престарелые, инвалиды, чиновники и члены их семей; относящиеся к одной из восьми категорий, имеющих право на смягчение наказаний ("ба-и"); и явившиеся с повинной.

По сравнению с тан-сунскими законами в кодексах Цзинь расширены пределы наказаний, назначаемых с учетом социального положения виновного, усилены кары за преступления, совершаемые рабами, и ослаблены - за убийство детей родителями или жены мужем, введена более дробная шкала сроков каторжных работ, удвоен размер пени за покражу, которая уже исчисляется в деньгах, а не в тканях. Вместе с правом на помилование ("ба-и") и на выкуп все это придавало цзиньскому законодательству отчетливый классовый характер, тяжесть которого усугублялась введением принципа национальной подсудности, противоречащего китайскому правосознанию и юридически закреплявшим угнетение китайского населения.

Наряду с принятием китайских юридических норм цзиньские кодексы сохранили многие элементы обычного чжурчженьского права: пеню, разрешение на левират и на выделение из хозяйства сына или внука при жизни отца или деда.

М.А.Дандамаев

ПРАВОВОЕ И ФАКТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОВ В ПОЗДНЕЙ ВАВИЛОНИИ

В Вавилонии в VI-V вв. до н.э. юридически рабы считались движимым имуществом, и их продавали, передавали по наследству, дарили, закладывали, а иногда и клеймили.

Однако фактическое положение рабов часто не соответствовало их юридическому статусу. Нередко рабовладельцы выделяли для своих рабов пекулий (ремесленные мастерские, земельные участки или деньги для торговли и работорговческих операций) и позволяли им вести хозяйство самостоятельно с условием уплаты нормированного оброка, который в среднем равнялся 12 сиклям серебра в год или 1800 л. зерна. Иногда рабы вместо уплаты оброка определенное количество дней работали на своих хозяев.

Своим имуществом рабы распоряжались свободно и в экономической жизни страны действовали как полноправные люди: брали и отдавали в долг деньги, зерно и т.д., закладывали, отдавали и брали в аренду дома, землю, а также нанимали свободных лиц в качестве наемных работников.

Рабы выступали свидетелями как в суде, так и при заключении различных деловых сделок.

Рабы сами могли стать фактическими рабовладельцами, так как они покупали рабов, чтобы использовать их в своем хозяйстве.

ОБЩИНА ТЕРАПЕВТОВ В ЕГИПЕТСКОМ ОКРУЖЕНИИ

Египетская община терапевтов связана с духовной жизнью Египта 1 в.н.э., где в это время были распространены самые разнообразные религиозно-философские воззрения и культы. Община терапевтов естественно не могла оказаться чуждой влиянию отдельных представлений окружающей среды. Эти влияния можно проследить в этических взглядах и аскетической направленности жизни общины, в некоторых мистических представлениях, в отношении к солнцу, в символике чисел.

На общем фоне Египта римского времени, когда получили большое распространение различные мистические общества и жреческие аскетические союзы, связанные с различными культами, аскетическая община терапевтов не является чем-то исключительным. В этом отношении наибольший интерес представляет описание египетских жрецов, оставленное Хермоном, стоиком и египетским жрецом 1 в.н.э. Общий характер описания жрецов и некоторые реалии из их быта очень близки описанию терапевтов Филоном. И если общую этическую и аскетическую направленность египетских жрецов и терапевтов можно объяснить воздействием на них общераспространенных идей эпохи, а отдельные реалии — специфическим влиянием египетской среды, то совершенно исключительное явление представляет социальная направленность общины терапевтов. Такие черты как отказ терапевтов от рабского труда в своей среде, отсутствие частной собственности роднит их с движением палестинских ессеев (по описаниям античных авторов) и кумранитов, принадлежавших к есеевскому движению.

На аскетическую направленность некоторых групп египетских жрецов указывает Плутарх в трактате *De Iside et Osiride*. Для характеристики развития аскетических настроений эпохи представляет интерес и не совсем ясная категория так называемых "затворников Сараписа" (*sátoschoi*), которые были, по-видимому, добровольными служителями культа Сараписа с некоторыми признаками "монашества".

По всей вероятности, для окружающего мира, терапевты были такими же служителями определенного культа, в данном случае культа Йахве, как и различного рода служители (*therapeutai*), состоявшие при культах разных божеств. Эта категория служителей не принадлежала к официальному жречеству и составляла прослойку непрофессиональных почитателей бога, которые принимали участие в низшей храмовой службе и выполняли необходимые действия, связанные с культом.

Терапевты Филона, по-видимому, не были связаны с официальным культом Иерусалимского храма и с египетскими синагогами. Оставаясь иудеями, они отправляли культ особым образом, подобно родственным им палестинским ессеям, но находились под более сильным влиянием эллинистических религиозных идей.

С.С.Какабадзе

ИНСТИТУТ МАМАСАХЛИСИ В ДРЕВНЕЙ ГРУЗИИ

1. До возникновения в конце IV в. до н.э. царской власти правителями Картли являлись мамасахлиси (букв. "отец дома, рода"), в источниках называемые михетскими. Однако, поскольку столицей Картли во время первых царей являлся Армази, резиденцией картлийских мамасахлиси, по-видимому, также являлся Армази.

2. Возвышение мамасахиси в качестве правителя Картли произошло в результате борьбы против гегемонии упали ("владыка, господин") в Шида (Внутренней) Картли. Резиденцией упали являлся Уплис-цихе (букв. "крепость владыки"). Картлийский мамасахиси был первым ("главным") среди других более мелких мамасахиси.

3. Первым царем Картли являлся Азо ("Мокцевой Картли-сай"), свергнутый Парнавазом, племянником последнего картлийского мамасахиси ("Картлис цховреба"). По-видимому, к концу IY в. до н.э. мамасахиси уже имели претензии на наследственную власть в Картли. Поэтому то обстоятельство, что во главе Картли в это время стояли мамасахиси, не указывает на наличие родового строя.

4. В период древнекартлийского царства страна была разделена на крупные административно-территориальные единицы - хеви (букв. "ущелье") во главе которых находились эристави (букв. "глава народа, войска"). Эти хеви в свою очередь делились на мелкие единицы, также называемые хеви, во главе с мамасахиси. В этот период и эристави и мамасахиси назначались царем.

5. Деление страны на административно-территориальные единицы - хеви было настолько прочным, что картлийские церковные епархии - епископства, образовавшиеся в V-VI вв., территориально соответствовали прежним хеви.

С.Г.Кляшторный

В.В.БАРТОЛЬД И ИСТОРИЯ ТУРКСКИХ НАРОДОВ

1. Русская историография тюркоязычных племен и народностей Сибири, Центральной и Средней Азии начинается во второй половине XIX в. Если в социально-политическом плане возникновение этой дисциплины нельзя отделить от общей активизации восточной политики Российской империи, то, обращаясь к аспекту филиации научных дости-

жений, генезис историографического направления в тюркологии следует связывать с развитием в русской науке XVIII-XIX вв. двух других направлений. Имеются ввиду, во-первых, успехи географического и этнографического изучения указанного региона и, во-вторых, достижения русских востоковедов в освоении значительного круга письменных памятников ("мусульманских", китайских, монгольских).

2. Если первые этнологические, социологические и историко-культурные концепции, касающиеся далекого прошлого тюркских народов Центральной и Средней Азии, появляются у Н.Я.Бичурина, В.В.Григорьева, Н.И.Веселовского, то лишь в работах В.В.Радлова и, отчасти, Н.А.Аристова история тюркских народов приобретает самостоятельность особой научной дисциплины.

3. Тюркологические работы В.В.Бартольда не стали простым продолжением работ его предшественников, хотя их результаты, после критического пересмотра, были использованы Бартольдом в полной мере. Если в первых работах Бартольда это отличие проявилось главным образом в резком расширении источниковедной базы, в методике исследования письменных источников, в стремлении определить узловые проблемы новой дисциплины, то позднее эта дисциплина была качественно преобразована - описание расовых и племенных трансформаций и перемещений центров политической силы внутри кочевого "тюркского мира" Бартольд заменил тщательно и детально реконструированной картиной исторической жизни конкретных тюркоязычных народов.

4. В этой связи следует выделить два периода интенсивной тюркологической работы В.В.Бартольда: 1892-1899 гг. и 1925-1930 гг. Если в первый период в центре внимания Бартольда оказываются хотя и важные, но отдельные проблемы тюркологии, если в это время он определяет свое отношение к вопросам методики и методологии научного исследования, то второй период имеет совершенно иной характер.

В 1924–1925 гг. Бартольд начинает серию обобщающих историко-тюркологических работ, которые нельзя рассматривать лишь как результат внутренней научной эволюции их автора. Проблемная и методологическая сторона этих работ, их тематика находится в теснейшей связи с новыми целями, которые поставила Октябрьская революция перед русским востоковедением в ходе решения задач национального и культурного строительства на бывших восточных окраинах Российской империи. Труды Бартольда этой поры во многом подготовили сложение марксистской историографии советских тюркоязычных республик Средней Азии.

Ю.Л.Кроль

ВОПРОС О ТОМ, ЧТО В "ЗАПИСЯХ ИСТОРИКА"
НАПИСАЛ СЫМА ТАНЬ (? - 110 г. до н.э.)

1. Возможно, что части Ши цзи написал не Сыма Цянь (145? - 87? гг. до н.э.), а его отец Тань. Но те или иные главы Ши цзи связывают с его именем лишь предположительно. Ли Чан-чи называет 8 таких глав (гл. 11, 25, 39, 63, 86, 87, 97, 127), выделенных на основании 3 критериев. Это критерий идеологический - соответствие идей, содержащихся в данной главе, идеям трактата Сыма Тяня о 6 философских школах; хронологический - соответствие хронологических данных об авторе той или иной главы, его личных связях, впечатлениях и т.п. периоду жизни Сыма Тяня и несоответствие их периоду жизни Сыма Цяня; и текстологический - наличие в именах собственных, встречающихся в главе, иероглифа тань 談, который был для Сыма Цяня табу как имя его отца).

2. Первый критерий Ли Чан-чи основан на предположении, что философия Сыма Тяня отличалась от философии Цяня, а это маловероятно в свете исследований Р.Б.Кроуфорда. У нас

есть новый довод в пользу того, что Сыма Цянь был идейным последователем своего отца.

Ученые 1 в. до н.э. - 1 в. н.э. (от Ян Сюна до Бань Гу) обвиняли Сыма Цяня в том, что он поставил даосское учение Желтого вадняки и Лао-цзы выше пяти конфуцианских классических книг. Это обвинение пытались отклонить на том основании, что текст, где говорится о конфуцианских классиках, входит в трактат, написанный Сыма Танем, а не Цянем (Лян Ю-шан, В. Уотсон). Мы исходим из того, что слову крупнейших знатоков Ши цзи первых вв. до и после н.э. следует придавать большое значение, т.к. они могли располагать недоступной нам информацией. Они хорошо знали, что автор трактата Сыма Тань, т.к. об этом прямо говорится в Ши цзи. Если при этом они в один голос утверждали, что слова о классических книгах принадлежат Сыма Цяню, значит, для них было также несомненно то, о чем забыли впоследствии, - что часть трактата написал Сыма Цянь.

Действительно, трактат о шести философских школах четко распадается на две части. Первая из них представляет собой лапидарные тезисы Сыма Таня о шести школах. Во второй части трактата основные из этих тезисов повторены с пояснениями. Эти пояснения вполне мог написать Сыма Тань, но мог это сделать и кто-то другой, составивший нечто вроде смыслового комментария к трактату. Фраза о шести классических книгах содержится именно в этой поясняющей второй части. Весьма вероятный вывод - что эту часть писал Сыма Цянь, популяризовавший идеи отца.

3. Таким образом, первый критерий Ли Чан-чжи отпадает, а вместе с тем и основанные в первую очередь на нем предположения о том, что Сыма Тань был автором гл. 11 и 63; лишаются некоторых оснований и предположения, что он написал гл. 25 (которую, впрочем, многие считают в значительной части или целиком позднейшей интерполяцией) и 127 (в подлинности которой есть тоже очень большие сомнения).

Второй и третий критерии Ли Чан-чжи остаются в силе. Но пользоваться ими следует с очень большой осторожностью, ибо точные даты жизни Сыма Цяня неизвестны, а появление в Ши цзи знака тань в качестве имени собственного может также объясняться тем, что данный текст является интерполяцией (ср. мнение Д.Бодде о заключительной части гл. 87 Ши цзи) или что этот знак был внесен туда переписчиком и т.п.

Уже сейчас можно утверждать, что приписывать 86 гл. Ши цзи Сыма Таню (с уверенностью, как Д.Бодде, или с оговоркой, как Ли Чан-чжи) нет оснований. Мнение Бодде-Ли, к которому присоединились М.В.Криков и Кроуфорд, основывается на том, что автор гл.86 узнал изложенную им историю о покушении Цзин Кэ на Ши хуана от более нигде не упоминающихся Гуньсунь Цзи-гуна и "учителя Дуна", которые по возрасту могли быть только современниками Сыма Тая. Тем не менее "учитель Дун" был правильно отождествлен Б.Уотсоном с учителем Сыма Цяня Дун Чжун-шу. По идеологии гл. 86 часто сближают с явно написанной Сыма Цянем гл. 124. Едва ли это вполне справедливо, если учесть, что гл. 124 полемизирует с конфуцианцами, а гл. 86, по нашим наблюдениям, написана под влиянием идей конфуцианской школы Гуньян. По-видимому, не случайно одним из информаторов Сыма Цяня был в данном случае идеолог этой школы Дун Чжун-шу: подробный рассказ о первом человеке, биография которого содержится в гл. 86, - Цао Мо - включен именно в комментарий Гуньян и Чунь цю и лишь деталями отличается от более короткого рассказа Ши цзи; в эпилоге гл. 86 Сыма Цянь подчеркивает значение для оценки человека его воли к действию независимо от результатов, что характерно для идеологии школы Гуньян.

С нашей точки зрения, Ли Чан-чжи лучше всего аргументировал свое предположение о том, что Сыма Тань написал 97 гл. Ши цзи. Остальные его предположения либо должны быть отвергнуты, либо останутся под сильным сомнением.

ОТРАЖЕНИЕ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ В ИДЕОЛОГИИ ЭПОХИ ЦУН

1. Вплоть до нового времени в политическом отношении мир представлял собой ряд в равной степени изолированных и самодовлеющих политических общностей. Одной из них была Восточная Азия. Характерной чертой этой общности являлось наличие в ней государства - Китая - силы и ресурсы которого были несоизмеримы с тем, чем располагали его соседи, что давало возможность Китаю проводить свою политику в данном районе в качестве универсального государства. Поэтому политическая история Восточной Азии не может быть описана по привычной европейской "схеме" как взаимодействие ряда соизмеримых по силе и правовому положению государств. Здесь нужен иной подход, иная "схема".

II. Вспомогательным средством для нахождения нужной "схемы" может служить политическая идеология. Ее можно рассматривать как программу политического действия.

III. В данном сообщении говорится о результатах попытки автора описать тот слой китайской политической идеологии, который находился в непосредственной близости к политическому действию - общие положения и формулы официальных документов. Временные рамки - XUI-XUIII вв.

Описание дало следующие, наиболее интересные с нашей точки зрения, результаты:

- 1) Отраженная в этом слое политической идеологии политическая структура мира может быть описана как система.
- 2) Государство не является в этой системе основным элементом.
- 3) Данная система не знает государства в качестве носителя суверенитета. Не знает она и равенства государств.

4) Политический полицентризм мира выражен слабо. В центре системы не множество, а единство, причем весьма неопределенное. Его наиболее обычное обозначение - "Тянься". Это - и Китай, и весь мир.

5) Внутренняя политическая структура "Тянься" выражена так же слабо. "Тянься", в сущности, не является обозначением политической системы. Это - некая совокупность людей и среды, не совсем еще выделенная из царства природы.

6) Наиболее сильно выражены в "Тянься" черты "кибернетического" характера. Она резко делится на две части: управляемую систему - собственно "Тянься" и управляющую систему - государь, двор, династия и т.д. Два ряда терминов описывают соответственно различные состояния первой и годности второй систем.

1У. Отмеченные выше черты в той или иной мере общи многим эпохам китайской истории. Временной особенностью является сильный акцент на следующих моментах: 1) универсализм системы, 2) ее однородность, 3) легитимация системы управления. Все три положения зафиксированы в соответствующих формулах.

У. Полученная "схема" приложима к изучению только китайской политики.

У1. В какой мере данная "схема" организует политику - вопрос особый. Однако то, что она может выступить в качестве реальной программы, легко доказывается эмпирическим описанием политических действий.

О.С.Николаева

"ИЗ ИСТОРИИ ИНСТИТУТА ПЯТИДВОРОК В ЯПОНИИ"

1. Источником происхождения пятидворок, как низшей административной единицы в системе государственного аппарата являются, по-видимому, во-первых, группы взаимопо-

мощи "ки", возникшие, вероятно, до оформления раннефеодального централизованного государства и, во-вторых, мелкие воинские соединения (из 5 чел.) в родоплеменных дружинах.

2. Раннефеодальное государство, созданное в половине VI в. по форме китайской государственности, использовало народные традиции и опыт военачальников, и устанавливая соподчинение территориальных единиц, в 652 г. издало указ о пятерках домов (гохо), образовавших конечный пункт системы управления.

3. Обязанности, возложенные на гохо, позволяют рассматривать их как один из путей подчинения общины государству. Была введена круговая порука членов гохо за уплату податей и выполнение повинностей, за обработку земли, благосостояние домов, уголовные преступления и др. действия.

4. В VII в., коллективный труд общины используется и государственной религией - буддизмом. В надписях на памятниках (726 г.) упоминается о "Тисики-юи", т.е. объединениях братьев по вере. "Тисики-юи" принимали участие в постройке храмов, памятников культа, помогали в сооружении мостов, переписывали сутры и т.д. Несомненно, активная жизнь общины способствовала деятельности гохо.

5. Однако последние, как официальное звено в управлении, деформируются и исчезают в связи с упадком наделной системы землепользования, то-есть равномерным распределением земли - государственной собственности - между всеми слоями населения. Развивались частновладельческие поместья (сёэн), площадь госземель уменьшалась и к концу X началу XI в. они почти все оказались в руках частных владельцев. В сложной структуре сёэн в X в. и позднее главное место заняли именные земли (мёдэн), принадлежавшие мелким и средним землевладельцам, дружинникам и чиновникам поместий. Эта группа землевладельцев называлась мёсю.

Необходимость пятерок в управлении сёэнами отпала потому, что крестьяне состояли под контролем хозяина именной земли (мёсю), через него владелец поместья (рёсю) подчинял

общину. И хотя еще в начале XI в. встречаются упоминания о гохо, но, судя по материалам, они имели формальное значение.

6. Длительные традиции общинной жизни, обусловленные, главным образом, необходимостью ирригации, в те века тормозили полное и безусловное распространение влияния феодалов. В XIV-XV вв. в ходе формирования ленного землевладения, сопровождавшегося обострением феодальных войн и крупными восстаниями крестьян, возникли так называемые общины самоуправления "со", возглавляемые старшинами из мёсю. "Со" сыграли немалую роль в хозяйственной жизни деревни и организации крестьян, но переоценивать их значение нельзя, ибо через старшин феодалы оказывали свое воздействие на деревню.

7. В XVI в. в борьбе за перераспределение территории и крестьян крупные землевладельцы с целью мобильности населения создают во время войн мелкие воинские группы из 5 чел. и пятидворки в селениях, расположенных в районе боев. По-видимому, можно сделать вывод, что возникновение и развитие института пятидворок связано с формами землевладения, обуславливающими форму ренты, и с задачей феодального государства по охране внутреннего спокойствия. Насаждая пятидворки, правительство и феодалы использовали общинные традиции, приспособляли их к своим нуждам, влияли на создание общественных норм поведения в быту и производстве. Кроме того, пятидворки являлись дополнительным орудием закрепощения крестьян. Эта их функция получила наиболее полное развитие в последующие века.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ РАННЕ-ШИИТСКОГО ДВИЖЕНИЯ
(ДО УСТАНОВЛЕНИЯ ШИИТСКОЙ ДИНАСТИИ БУИДОВ В ИРАКЕ
В 334/945 г.)

1. В борьбе за власть в раннем мусульманском государстве (середина VII в.) сформировалась политическая группировка (ши'а) приверженцев Али. Зарождение шиитского движения в период правления Усмана связано с выдвиганием нового аргумента в пользу предоставления власти Али - родство с Мухаммадом (пророком), основателем мусульманского государства. Старому родо-племенному принципу передачи власти, отстаиваемому частью мусульманской верхушки, и более демократическому, выборному, поборниками которого выступали хариджиты, шииты противопоставили теократический наследственный принцип, основанный на родстве с пророком. Религиозно-политическим лозунгом всех антиумайядских выступлений второй половины VII в. было возвращение власти "семье пророка", под которой подразумевались в первую очередь и в основном Алиды. Поэтому первый этап шиитского движения (приблизительно до 20-х гг. VIII в.) можно условно назвать Алидским.

2. С начала VIII в. требование передачи власти "дому пророка" активно подхватывают Аббасиды, другая ветвь "семьи пророка", и вскоре они достигают руководящего положения в этом движении. Совместная алидо-аббасидская пропаганда носит характер скрытой борьбы за власть. Накануне свержения правящей династии Умайядов это приводит к обострению отношений между Аббасидами и Алидами.

3. Приход к власти Аббасидов вызвал раскол в "семье пророка" на два враждующих лагеря и ознаменовал новый этап в шиитском движении. Отныне Алиды ведут борьбу за возвращение власти уже не против "нечестивых" Умайядов, а против Аббасидов, также родственников пророка. Это способ-

ствовало сужению социальной базы движения Алидов. Шиитство становится оппозиционным течением, противостоящим Аббасидам. Первые Аббасидские халифы пытались всеми мерами устранить Алидов с арены политической борьбы. Но поскольку такая политика не давала положительных результатов, Аббасиды были вынуждены юридически обосновать законность своих прав на верховную власть, дабы парализовать претензии Алидов.

4. Реформа халифа ал-Махди (775-785 гг.) явилась естественным следствием антиалидской политики Аббасидов и служила идеологическим оформлением их политической победы. Этой реформой ал-Махди утверждал наследственный принцип власти в аббасидской династии на основе родства их предка, ал-Аббаса, с пророком. Расширение понятия "семья пророка" в период алидо-аббасидской пропаганды сменяется после переворота ограничением этого понятия одним аббасидским родом. Содержание понятия "семья пророка" менялось в зависимости от соотношения политических сил. Это изменение отражало стремление Аббасидов укрепить в глазах общественного мнения правовое положение своего рода.

5. Алиды были вынуждены противопоставить наследственному праву Аббасидов свое "божественное" право - происходит формирование шиитской доктрины верховной власти (имаматы).

6. Реформа ал-Махди закрепила идеологическое размежевание Алидов и Аббасидов. Наступает период собственно шиитского религиозно-политического движения, в ходе которого формируется особая шиитская система мировоззрения.

К СТРУКТУРЕ ЕГИПЕТСКОГО КРУПНОГО ИМЕНИЯ У1 ВРКА

Папирологические находки предоставили в распоряжение ученых большой и разнообразный материал, освещающий различные стороны организации и хозяйственной деятельности египетского крупного имения. Этот материал был в свое время систематизирован и обработан М.Гельцером, Ж.Руяр, Э.Харди, М.В.Левченко, А.Ч.Джонсоном и другими исследователями. В докладе ставится задача дополнить и уточнить на основе публикаций последних лет полученные выводы, в том, что касается форм зависимости в крупном имении и органов принуждения, находившихся в его распоряжении.

1. Зависимые от крупного имения земледельцы, обрабатывавшие в качестве держателей его земли обозначались в папирусах термином *ὑπεύθυνοι γεωργοί*, а еще чаще *ἐναπόγραφοι γεωργοί*. Последний термин, как свидетельствуют данные законодательства, равнозначен термину *coloni adscripticii*. Анализ записей в Р.Оху., XIХ, 2244^{39,65}, в которых говорится о выдаче осей работникам, обозначаемым сокращением *καταμειν()* и некоторые другие данные дают основание предполагать, что речь идет о лицах, лично зависимых от представителей администрации крупного имения и обрабатывающих земельные участки, полученные последними от крупного имения в качестве держания. Если предложенное толкование верно, то оно свидетельствует о наличии некоторой слабо выраженной тенденции к иерархическому землепользованию. Зависимость этих *καταμειν()* была вероятно слабее зависимости анапографов, которая, как известно, была закреплена законодательством и передавалась наследственно.

2. Крупные имения обладали собственными средствами принуждения - вооруженными отрядами, тюрьмами и т.д. Ос-

новную силу этих вооруженных отрядов составляли вукеллярии. Разбор Р.Оху., XXII, 2480 показывает, что ранее встречавшийся в ряде документов, относящихся к крупным именам термин *κεῖτερος* совершенно равнозначен термину *βουκελλάριος*, а многозначный термин *κεῖβότερος* в некоторых случаях мог быть равнозначным термину *τριβοῦνος*, т.е. начальнику отряда. Это позволяет значительно расширить круг источников, касающихся деятельности вооруженных сил имени и дать новое толкование этим документам.

З.Я.Ханин

О НЕКОТОРЫХ МОМЕНТАХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДИСКРИМИНАЦИИ В ЯПОНИИ

1. Различные теории происхождения дискриминации в Японии (в частности, теории, сводящие истоки этого явления исключительно к политическим, профессиональным, религиозным или же национальным моментам) недостаточно учитывают всю совокупность конкретно-исторических обстоятельств. Практически существование дискриминации становилось возможным лишь в результате взаимодействия целого комплекса различных общественных явлений, причем их значимость в разные периоды менялась.

2. На протяжении многовековой истории в Японии параллельно существовали или последовательно сменяли друг друга разные социальные группы, подвергавшиеся сегрегации (до середины VI в. — первые сэммин, после реформ Тайка — пять категорий сэммин, дзакко и томобэ, впоследствии — сандзёмин, каварамонно, эта, хинин, буракумин и т.д.), между этими группами имелись правовые различия (в частности, в отношении домовладения, землевладения, перемещения по стране, в области семейного права), различия по кругу разрешенных занятий и т.д. Различия в положении указанных групп пред-

ставляют собой модификации общего явления дискриминации.

3. Эти модификации возникали и существовали вследствие изменений условий воспроизводства дискриминации в разные периоды. Изменение же этих условий выражается в появлении новых или исчезновении старых обстоятельств дискриминации (например, исчезновение национального и распространение профессионального принципа дискриминации), а также в изменении общей социально-экономической и политической обстановки в стране.

И.Ш.Шифман

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКО-РИМСКОЙ СИРИИ

0.1. Одним из наиболее распространенных общих мест в современной историографии по вопросам эллинизма является утверждение, согласно которому эллинизм (в противоположность доэллинистическому времени) характеризуется как период возникновения полисной организации и частной античной собственности на землю.

0.2. Между тем, уже отрывочные наблюдения показали, что эллинистические монархии унаследовали политическую структуру Персидской державы, что в Новоассирийской державе существовали автономные политические образования, типологически напоминающие эллинистические полисы, и что одной из форм политической организации, из которой возникает эллинистический полис, является автономная привилегированная храмовая община.

1.1. Для земельных отношений эллинистического времени характерно существование частной собственности на землю

либо под юрисдикцией полиса, либо под юрисдикцией царя.

1.2. Частнособственнические земельные отношения складываются в сирийских обществах задолго до эллинизма, отчуждение земли, купля-продажа засвидетельствованы уже во второй половине II тыс. до н.э.

1.3. Библейские материалы позволяют проследить постепенное исчезновение разницы между неотчуждаемыми навечно родовыми и благоприобретенными землями.

2.1 Античный полис представлял собой естественно сложившийся гражданский коллектив (с тенденцией к замкнутости), осуществлявший свою власть над более или менее обширной территорией с центром в городе-крепости. Только полноправные его члены могли быть собственниками земли, принимать участие в общественной жизни, ополчении. Повсеместно имелись коллективные органы управления (совет и народное собрание), а также система магистратур.

2.2. Аналогичная система существовала в сирийских обществах и в доэллинистический период (по крайней мере, в середине II тыс. до н.э.). Созданная в период эллинизма система целиком соответствовала направлению естественного развития общества, и не противостояла ему.

2.3. Именения времени эллинизма связаны с введением единообразной системы магистратур и коллегиальных органов власти с более четким, чем прежде, разграничением функций, а также с распространением греческой политической терминологии.

С.А.Школяр

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ
"МУСУЛЬМАНСКИХ ОРУДИЙ" (ХУЭЙ-ХУЭЙ ПАО)
В КИТАЕ XIII в.

1. В период захвата Хубилаем всей территории Китая исход длительной (1268-1273 гг.) осады крепостей Сяньяна

и Фаньчэна в пользу монголов был решен, как сообщают источники, применением мощных осадных орудий, нанесших обоим городам большой урон. Китайские и персидские источники свидетельствуют о том, что орудия были изготовлены мастерами из покоренных монголами мусульманских стран. Сами орудия известны под названиями "мусульманских" (хуэй-хуэй пао), "сянъянских" (сянъян пао) и "орудий Западного Края" (сикй пао).

2. Как западные, так и китайские исследователи до сих пор не пришли к единому мнению о характере этих орудий. Часть авторов считает эти орудия большими камнеметными машинами. По мнению других "мусульманские орудия" были огнестрельными пушками, и эта версия особенно поддерживалась теми, кто выступал поборником идеи о западном происхождении китайского огнестрельного оружия.

3. В работах последних десятилетий приводятся доказательства в пользу как одной, так и другой точек зрения. Однако авторы работ рассматривают вопрос и привлекают свидетельства источников лишь в плоскости какой-либо одной из этих версий, не предпринимая равностороннего исследования всего комплекса имеющихся данных. По нашему мнению решение вопроса о характере "мусульманских орудий" следует искать как раз на пути сопоставления сведений многих источников и с учетом данных о развитии доогнестрельной и ранней пороховой артиллерии как в Китае, так и в сопредельных с ним западных областях.

4. Версия о том, что "мусульманские орудия" были огнестрельными орудиями с громадным литым стволом, способными стрелять большими каменными ядрами весом до 90 кг, должна быть отвергнута. Развитие металлургии и порохового оружия в XIII-XIV вв. еще не достигло уровня, позволявшего изготовить подобные огнестрельные гиганты.

5. Материалы китайских источников дают основание утверждать, что "мусульманские орудия" представляли собой мощные камнеметные машины. В пользу этой точки зрения свидетельствуют:

1) упоминания источников об этих орудиях, характеризующие их как камнеметы; 2) терминология этих текстов, свойственная только камнеметной технике; 3) средства защиты от действия орудий, характерные для "противокаменметных" средств; 4) ряд других тактико-технических данных этих орудий, которые могли принадлежать только камнеметным машинам.

6. Мнение некоторых авторов о том, что "мусульманские орудия" - это камнеметы с противовесом, имеет веские подтверждения:

- для китайской доогнестрельной артиллерии X-XIII вв. характерно применение натяжных камнеметных машин, для мусульманской - больших камнеметов с противовесом, называемых в персидских источниках *manganik*. Сопоставление китайских и персидских данных убеждает в том, что мусульманские мастера принесли в Китай искусство сооружения именно противовесных камнеметов;

- интерпретация с этой точки зрения ряда китайских свидетельств об устройстве новых орудий устраняет существовавшие до этого неясности в толковании текстов;

7. Некоторые сообщения китайских источников о дальнейшем неоднократном применении "мусульманских орудий" свидетельствуют о связи их с пороховым оружием того времени. Эти данные могут указывать на использование пороховых снарядов при метании из этих орудий. Есть все основания полагать, что изготовленные мусульманами мощные метательные установки с противовесом, наряду с каменными ядрами, в Китае могли метать и большие пороховые снаряды фугасного и зажигательного действия.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИНДОНЕЗИЙСКОГО СТИХОСЛОЖЕНИЯ XX в.

1. Развитие индонезийского стихосложения XX в. необходимо рассматривать в тесной связи с развитием индонезийского литературного языка, который в начале XX в. из языка малайского становится официальным языком политического и культурного единения страны - "бахаса индонесиа".

2. Для рассмотрения новой поэзии, возникшей на языке "бахаса индонесиа", обратимся к творчеству двух выдающихся индонезийских поэтов XX в. - Амиру Хамзаху (1911-1946) и Хайрилу Анвару (1922-1949), которые представляют два направления новой индонезийской литературы, два этапа развития индонезийской поэзии.

3. Творчество этих двух поэтов выражает борьбу и сочетание традиций малайского стиха с новыми влияниями западной поэзии.

В то время как первый из них поднял, преобразовав, традиции старой поэзии на новый уровень, последний самым радикальным образом противопоставил себя старым формам.

4. Старые формы, о которых идет речь - это два типа малайского стихосложения - пантун и шаир. (Оба они характеризуются обязательной четырехстрочной строфой, конечной рифмой, причем пантун рифмуется авав, шаир - аааа, обязательной принадлежностью пантума являются звуковые параллели между рифмуемыми строками).

5. Амир Хамзах в своих стихах развил и оживил традицию малайского "словного стиха" (термин употребляется в отношении старомалайской поэзии по признаку обычных обязательных четырех слов в строке), и его стих может справедливо называться "словным стихом" в том смысле, что он подчеркнул самостоятельность и значительность каждого

слыва в строке, стремясь использовать только основы, избегая употребления служебных слов, и этим достигается наибольшая эмоциональная выразительность каждого слова в данном контексте.

6. В отношении ритмики Амир Хамвах отчасти следует принципам старомалайского стихосложения, где главное — это центральная *цебура* в каждой строке и тенденция к равновесию частей по обе стороны от нее.

7. Вместе с тем в стихах Амира Хамваха наблюдается зарождение разговорной интонации, и появляется перенос мысли из строки в строку. (В малайских стихах фраза однострочна, каждая строка выражает законченную мысль).

8. В противоположность традициям малайской поэзии Амир Хамвах почти отбросил рифму, противопоставив лишенной экспрессивной нагрузки обязательной в малайской поэзии рифме огромное богатство ассонансов и аллитераций.

9. Высокая аллитерированность языка Амира Хамваха, нарушения правил рифмовки малайской поэтики, а также появление тенденции к использованию разговорной интонации сближают поэзию Амира Хамваха с поэзией голландских восьмидесятников.

10. Хэйрил Анвар, создатель новой поэзии 45-го года, поэт-новатор, решительно порывает с формами и традициями старой поэзии.

11. Хэйрил Анвар совершенно отказался от четверостиший, и, преодолев тенденцию к равновесию, в противоположность ей развил существовавшую уже в зародыше в индонезийской поэзии разговорную интонацию, и, под влиянием голландских поэтов-экспрессионистов, создал новый для индонезийской поэзии идеал — стихию свободного стиха.

ПАЛИЙСКИЕ ДЖАТАКИ И НАРОДНЫЕ ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В БИРМЕ

1. Палийские джатаки были известны в Бирме уже в 11 в. Об этом свидетельствуют изображения на плитах храма Ананда в Пагане, которые иллюстрируют 549 джатак. Однако, первые значительные работы по исследованию джатак появились лишь в 15 в.

2. В 16-17 в. джатаки, которые раньше изучались только на пали, вошли в бирманскую литературу. Они стали неиссякаемым источником для прозаических и поэтических произведений в стиле пью, ваттху и т.д.

3. Через монахов и проповедников джатаки гораздо раньше проникли в народную среду. Джатаки давали возможность воплотить религиозные идеи в живых персонажах. Так появились пэдженги - живые картины, изображающие сцены из жизни Будды и рассказов о его прежних существованиях. Обычно они исполнялись любителями.

4. В 16-17 в. на основе пэдженгов развивается новый вид драматического представления нибхакинг - разыгрывание сцен из джатак. Нибхакинг - это религиозная мистерия, которая уже создавала внутри себя какое-то подобие незамысловатых сюжетов. Герои характеризовались некоторой индивидуальностью. Впоследствии, в нибхакинг появляется клоун.

5. В 17-18 вв. на народной сцене возникает новое представление - "за". "За" разыгрывались профессиональными актерами. Это театральное представление уже не было священным религиозным зрелищем, однако еще носило полурелигиозный характер.

6. Можно предположить, что на первом этапе развития "за" представляло собой пьесу типа западноевропейского миракля с сюжетом, основанным на джатаке. Религиозные цели

отступали на задний план и главное внимание обращалось на события.

Впоследствии, в "за" большое место заняли бытовые, житейские элементы. Светские сюжеты постепенно вытеснили религиозные. Большое развитие получил комический элемент.

Л.Л.Громковская

ГОДЫ ВОЙНЫ И ФАШИЗМА (1933-1945) - ПЕРИОД СОПРОТИВЛЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ НАКАНО СИГЭХАРУ

В период развязывания агрессивных войн и фашизации страны японское правительство стремилось склонить к сотрудничеству деятелей культуры. Использовались все меры давления - от полицейских репрессий до принудительных экскурсий к "святым местам" с целью "очищения".

В те годы, получившие название в Японии "эпохи мрака", тяжкие правительственные репрессии породили раскол, неверие и предательство даже среди прогрессивно настроенных писателей, участников пролетарского литературного движения. Лишь самые стойкие продолжали бороться и среди них был Накано Сигэхару.

Жизнь подвергла суровой проверке идейные позиции писателя, его верность революционным идеалам. Тюрьма, униженное положение поднадзорного, жестокая нужда, гибель товарищей - все это продолжалось не год и не два, а больше десяти долгих лет.

За десять с лишним лет Накано написал в общей сложности более семидесяти произведений. Продолжая заниматься исследованиями в области истории отечественной литературы он создает глубокие работы о Мори Огай, Сайто Мокити, пишет заметки о Такубоку, Огума Хидэо. Заслуживает внимания деятельность писателя связанная с журналом "Сякай хёрон"

для которого он пишет острые статьи - о туберкулезе, об айнских школах и т.п.

Художественная проза этого периода представлена такими произведениями как "Первая глава", "Деревенский дом", "Писатель, который не писал", "Бабушкина деревня", "Расставание с песней" и др.

Одни из этих произведений по тематике обращены в прошлое - к детским и юношеским годам писателя, другие - творческое раздумье автора над проблемами сегодняшнего дня.

Острее других стояла проблема "поворота". Она нашла отражение и в произведениях, написанных "по горячим следам" и продолжает осмысляться писателем и в послевоенные годы (рассказ "Объявление").

Применительно к собственному творчеству Накано рассматривает "поворот" лишь как морально-этическую проблему.

Годы войны и фашизма стали для писателя временем идейного и творческого мужания. Прозаические произведения этого периода написаны в характерной для Накано манере, приближающейся к жанру "ватакуси сёсэцу". Формирование творческого метода писателя в значительной мере определялось условиями непрерывающейся борьбы. Что бы ни выходило из-под пера Накано Сигэхару в эти мрачные тяжелые годы, он каждой своей строчкой сопротивлялся насилию.

М.И.Никитина

"ЖИТИЕ КЮНЁ" (XI в.) КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

1. "Житие Кюнё" относится к типу "полных" житий корейских буддийских подвижников, которым свойственны следующие особенности: такое житие рассказывает о жизни подвижника от рождения до его смерти. Непременным его условием является "исходная ситуация" - описание обстоятельств

чудесного рождения и детства, и "конечная ситуация" - описание чудес, связанных с кончиной подвижника, сообщение о строительстве храма на том месте, где жил подвижник, краткие сведения об учениках и их воспоминания об учителе и пр. В самом корпусе жития эпизоды могут располагаться либо в хронологической последовательности, либо группироваться тематически. Иногда оба принципа расположения материала сочетаются.

Житие этого типа всегда подробно, что является следствием интереса к личности как к комбинации ряда отношений (подвижник как слуга государя, подвижник и его заслуги перед учением и пр.). Эпизоды, иллюстрирующие отдельные положения, могут быть сами по себе сюжетными, но житие в целом - бессюжетно.

Житие этого типа официально и торжественно. Эпизоды комические, развлекательные здесь не предусмотрены. Житие создает величественный, монументальный образ подвижника. Образ человека идеален, он определяется таким сразу же и до конца не изменяется. Этому типу житий свойственна прямолинейная идеализация.

П. "Житие Кинё" имеет своей особенностью разделение на десять тематических глав. Деление на главы дает четкую тематическую сетку, каждая ячейка которой заполнена сюжетными эпизодами или бессюжетным материалом, расположенными в хронологической последовательности, которые иллюстрируют превосходную степень различных добродетелей подвижника, проявляемых им в чудесных деяниях.

Сюжетный материал не имеет выхода за пределы глав в единый сюжет произведения. Внутри глав подборка эпизодов также не дает единой сюжетной нити. Замкнутость глав усиливает дробность "жития", доводя тенденцию к самостоятельности единичного до предельной четкости.

Однако, есть нечто, объединяющее это расчлененное произведение и сообщающее ему непрерывность движения. Это нечто, заменяющее сюжетное движение (- наиболее привычный

нам вид динамики в прозаических произведениях) - нарастание пафосного звучания.

Автор "Жития" в первой главе дает торжественный настрой произведению тем, что обращается к эпическим традициям. В дальнейшем он поддерживает этот настрой, прибегая к различным художественным средствам. (Выбор эпизодов, их сопоставление, введение параллельной темы, возведение будничного на уровень значительного и т.д.).

Начиная с середины произведения автор усиливает пафосное звучание таким образом, что каждая последующая глава имеет больший эмоциональный заряд, чем предыдущая. Эмоциональная кривая "Жития" идет вверх до конца произведения. "Житие" венчается послесловием, в котором автор переходит от повествовательного типа изложения, свойственного этому произведению, к образному.

Т.о. автор, предельно расчленивший произведение, должен был обратиться к такому художественному противовесу, как нарастание пафосного звучания произведения, чтобы тенденция непрерывности, общности целого уравновесила тенденцию подробности и подчинила ее.

Р.Р.Орбели

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТРОПЫ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОПИСАНИЯ ПРЕДМЕТНОГО МИРА В НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКАХ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII в.

1. Постановка вопроса о языке и стиле грузинской письменности XVIII в. предполагает строгое разграничение понятий литературного языка и языка художественной литературы.

2. На протяжении всего столетия грузинский книжный язык подвергался глубоким изменениям. Процесс формирования нового книжного языка протекал на основе взаимодействия главным образом архаических норм классической гру-

зинской письменности, живой народной речи, восточной традиции в литературе и влияний как непосредственных, так ишедших из литературных произведений (независимо от их содержания). Кроме того во второй половине XVIII в. грузинский литературный язык подвергся своего рода эксперименту, который выразился во внедрении искусственных форм. Впрочем, некоторая тенденция к такого рода новаторству может быть отмечена и в ряде произведений более раннего периода.

3. Процесс становления нового литературного языка завершился в XIX в. Язык и стиль литературы XVIII в. возможно рассматривать лишь в их развитии, всегда учитывая особенности жанра и индивидуальности автора.

4. Однако некоторые явления языка и стиля грузинской литературы XVIII в. оказались достаточно устойчивыми и получили распространение во многих жанрах. Это позволяет говорить о некоем стилевом единстве грузинской письменности XVIII в., отличающем ее от стилей XVIII и XIX в.

5. Анализ и сопоставление некоторых текстов, написанных грузинскими авторами, непосредственно соприкоснувшимися с русской и западной средой, и отдельных текстов, прошедших как бы три стадии создания - под пером автора, русского переводчика и грузинского переводчика с русского языка, позволяет придти к некоторым выводам, в частности о расширении функции слова в контексте и об изменениях синтаксической конструкции предложения. Художественные тропы в изученных памятниках дают основание рассматривать их как явление типологическое.

ПИНХУА ПО ИСТОРИИ ПЯТИ ДИНАСТИЙ

(О некоторых композиционных особенностях и месте среди других "пинхуа")

1. "Пинхуа по истории Пяти династий" - ранний образец жанра "пинхуа". Эта точка зрения основывается на тесной и непосредственной связи повествования с историческими источниками, характерной и для других ранних образцов жанров простонародной литературы, предшествующих эпох.

2. Хотя в "Пинхуа по истории Пяти династий" 75/80% текста является более или менее подробным пересказом нескольких исторических сочинений и совпадает с ними текстуально, мы рассматриваем это сочинение как художественное, т.к. оно имеет свою строгую идейно-композиционную организацию, свой развитый сюжет, завязку и ее разрешение.

3. Идейно-композиционным стержнем повествования является тема предопределенности, из которой истекает и завязка всего сочинения и отдельных его глав, и развитие сюжетной канвы.

4. Основные художественные средства, применяемые автором "Пинхуа по истории Пяти династий": творческое отношение к отбору исторического материала и его структурной взаимосвязи, сочетание исторического материала с фольклорным, вмешательство (в отдельных случаях) в сюжетные ходы истории, художественная и идейная обработка отдельных исторических сюжетов и введение самостоятельных сюжетных ходов в повествование.

5. Творческие возможности и приемы автора наиболее полно проявляются в прозаических вступительных частях "Пинхуа по истории Пяти династий", ибо здесь, вне хронологических рамок главных исторических событий, автор менее всего связан с историческими источниками. Поэтому именно вступления

содержат завязку и претерпевают те качественные изменения, которые делают их нераздельной частью всего изложения, имеющей с ним и сюжетную, и идейную, и художественную связь. Более того, именно наличие их в этом новом качестве явилось, по-видимому, зерном, породившим "пинхуа" — новый художественный жанр народного исторического романа.

М.Б.Руденко

КУРДСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ВЕРСИЯ ПОЭМЫ "ЮСУФ И ЗУЛЕЙХА"

1. До настоящего времени считалось, что сюжет сказания "Юсуф и Зулейха" бытует у курдов только в фольклоре. А.Социн, записавший в прошлом веке курдский фольклорный вариант сказания, выразил предположение о существовании курдской литературной обработки этого сюжета. Однако, до последнего времени наука ничего не знает о курдской литературной версии поэмы "Юсуф и Зулейха".

2. В коллекции курдских рукописей А.Д.Жаба, хранящейся в Гос.Публ.библиотеке им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, имеются два списка курдской литературной версии поэмы "Юсуф и Зулейха". Первая принадлежит курдскому поэту XVII в. — Селиму ибн Слеману, имя которого до последнего времени оставалось неизвестным.

Вторая одноименная поэма приписывается перу курдского поэта XVIII в. — Хариса Битлиси.

3. Близкое текстуальное сходство, обнаруженное при сличении рукописей обоих сочинений, позволяет назвать вторую поэму лишь сокращенной переделкой поэмы Селима-ибн-Слемана. Поэма, приписываемая Харису Битлиси, отличается стремлением автора упростить поэтический язык, приблизить его к народному.

4. Хотя А.Д.Жаба считает, что курдская литературная версия представляет лишь упрощенное подражание поэме Джами,

согласиться с этим трудно. Курдскую поэму можно считать средней между версиями Фирдоуси и Джами. Интересно отметить, что курдская поэма содержит ряд эпизодов и деталей, отсутствующих в версиях названных персидских поэтов; эпизоды эти в ряде случаев восходят к раннему сульманским фольклорным и агадическим версиям сказания о Иосифе.

5. Курдская литературная версия, восполняющая пробел в истории средневековой курдской литературы, содержит новый материал, интересный в равной мере для курдоведов и для специалистов, занимающихся исследованием широкого круга вопросов литературных связей Ближнего Востока и Закавказья.

А.Ф.Троцевич

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ "ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАПИСЕЙ О ТРЕХ ГОСУДАРСТВАХ". ("САМГУК САГИ") КАК ЛИТЕРАТУРНОГО ПАМЯТНИКА

1. "Самгук саги" - "Исторические записи о трех государствах" - были составлены придворным историографом Ким Бусиком в 1145 г. До этого в Корее уже существовала историографическая традиция, и Ким Бусик широко пользовался предшествовавшими корейскими и китайскими историческими трудами. Он отобрал материал и скомпоновал его в соответствии с конфуцианскими взглядами на историю и общество и на роль и место в нем личности.

2. Книга делится на четыре большие части: 1) Основные анналы, 2) Хронологические таблицы, 3) Разнообразные трактаты, 4) Биографии. Для изучения этого произведения как литературного памятника интересны прежде всего "Основные анналы" и "Биографии". Темы этих двух разделов соотносятся иерархически как темы людей двух категорий: государей и подданных. Структуру этих частей мы и рассмотрим.

3. В "Основных анналах" материал связан хронологически. В хронологической последовательности друг к другу расположены летописи государей. На тему отдельного государя хронологически последовательно наиваны события, каждое из которых отнесено к какому-либо году правления. В угоду соблюдения временных отношений разрываются все иные связи. Например, рассказ о едином сюжете режется на куски, нарушается логическая связь событий, аналогичные сведения о герое сообщаются по нескольку раз. Автор в этой части сообщает читателю, "когда" и "что" происходит. Точно датированное сообщение о событии может быть коротким, а может разрастись до целого сюжетного рассказа, который разворачивает это событие, раскрывает его причины и последствия.

4. В "Биографиях" материал расположен также по темам. За исключением биографии Ким Юина - полководца Силла, эти биографии коллективные. Они посвящены людям того или иного конфуцианского социально-этического типа. Конфуцианские типы и есть темы, по которым объединены биографии отдельных людей как иллюстративный материал. Основная задача биографии - показать тип подданного. Туда вводится материал, ценный только с этой точки зрения, а не описывается вся жизнь человека от рождения до смерти.

5. Сплошь и рядом вся биография состоит из описания одного значительного поступка, в котором герой демонстрирует одну из конфуцианских добродетелей или представлен как образец человека, нарушающего эти добродетели. Композиционный строй этих биографий прост: рассказывается об одном подвиге одного героя, все действие совершается одновременно, в срок, точно указанный вначале. Элемент описания сокращен до минимума, а часто и вовсе отсутствует. Автор дает только общие оценки для каждой группы биографий, рассматривая поступки людей как проявления конфуцианских доблестей той или иной категории.

6. Сложнее построены большие биографии. — Пак Джесана, Соль Чхона, Ким Юина и двух мятежников — Чин Хвона и Кунэ. Биография Соль Чхона, например, построена по типу обрамления: в обрамляющую историю о том, как государь попросил Соль Чхона развлечь его, а в результате получил мудрый совет и понял свою ошибку, вставлена притча — рассказ о короле цветов. Самая большая в разделе — биография Ким Юина. Это — произведение со многими действующими лицами и попытками введения сюжетных ветвей.

7. Немалое место занимают в "Саги" биографии, рассказывающие о лицах скорее всего выдуманных. Они также стремятся точно датировать и локализовать описываемые события. Стилизованы "под историю" даже биографии, представляющие собой явные сказки или авторские сюжетные повести.

О.Л.Фишман

ЦЗИ КНЬ В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

1. Еще до так называемой "культурной революции" вулгарный социологизм, неисторичность подхода к литературным явлениям, догматизм, перешедший из политической сферы в сферу литературоведения и литературной критики, наложили в последнее десятилетие свой отпечаток на концепции многих китайских литературоведов. Для выходявших в последние годы в КНР "Историй китайской литературы" в большинстве случаев характерно стремление подходить с единой меркой к самым различным литературным произведениям прошлого, рассматривать их с сугубо современных позиций.

2. В силу этого антиисторического подхода к истории литературы многие китайские литературоведы отвергали, как недостойные внимания или "ущербные", некоторые замечательные произведения китайской прозы ХУ1-ХУШ в.в. Творчество

же Цзи Юнь (1724-1805) - автора "Заметок из хижины "Великое в малом" вообще игнорировалось большинством современных китайских литературоведов, или характеризовалось ими, как "идейно ограниченное" и "реакционное" (на подобной позиции стоят, например, авторы "Истории китайской прозы", 1960, авторы "Истории китайской литературы", Пекин, 1962).

3. Между тем, объективный анализ "Заметок" Цзи Юнь подводит читателя этой коллекции коротких рассказов, морализующих анекдотов и заметок информационного характера к совсем иным выводам.

Все пять сборников этой коллекции объединены единой целью - возвращению людей на утраченный ими путь нравственности. Поэтому рассказы Цзи Юнь дидактичны; писатель мыслит не социальными, а этическими категориями. Критикуя общественные нравы Цзи Юнь одинаково суров и по отношению к власть-имущим, и по отношению к простым людям; не отдает он предпочтения и какой-нибудь одной из философско-религиозных школ.

4. Цзи Юнь, живший в эпоху китайского Просвещения, принадлежал к школе "Эмпирических исследований, основанных на подтверждающих доказательствах" (каоцзхэн-сюэ) и пропагандировал критическое и рационалистическое изучение конфуцианского канона; выступая против ограниченной конфуцианской морали, против "правил" и "догм", он полемизировал с традиционными взглядами конфуцианцев.

5. Несмотря на то, что в основе подавляющего большинства рассказов Цзи Юнь лежит фантастика, Цзи Юнь, ученый-рационалист, не разделяет мистифицированного представления о мире, присущего авторам коротких "рассказов о чудесах" эпохи "Шести династий", служивших ему литературным образцом. Фантастика помогает ему привлечь внимание читателя, сделать "навидание" занимательным и запоминающимся.

6. Особенно ярко критическое отношение Цзи Юнь к современной ему действительности выражено в заметках публицистического характера. Сатирическое обличение начетчиков и пе-

дантов, падения нравов среди ученых, борьба со стандартизацией мышления, протест против превращения конфуцианской философии в неподвижный догмат то есть, та самая борьба, которую вели китайские просветители, та самая критика, которая была составной частью китайского сатирического романа эпохи Просвещения, - придают социальную остроту многим рассказам и заметкам Цзи Гня, непонятым нынешними китайскими литературоведами.

Маруф Хаанадар

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ТВОРЧЕСТВО СОВРЕМЕННОГО КУРДСКОГО ПОЭТА АХМАДА ДЫЗАРА

1. Идеи Великой Октябрьской социалистической революции оказали огромное влияние на развитие самосознания рабочих, феллахских масс и курдской интеллигенции. Несмотря на то, что группировки и партии, создавшиеся в Курдистане, были националистическими, программы их включали в себя многие элементы прогрессивных идей русской социалистической революции и со временем в ходе политической борьбы эти идеи выкристаллизовались на основе доктрин марксизма-ленинизма.

Со времени победы Великой Октябрьской социалистической революции идеи ее получили отражение в курдской литературе - равным образом в поэзии и в прозе. В этот период курдские писатели и поэты начали интересоваться русской литературой - классической и современной; были переведены стихотворения Пушкина и Лермонтова, некоторые произведения Льва Толстого, Тургенева, Гоголя, Чехова, Алексея Толстого и др. В этот же период курдские литераторы заинтересовались творчеством прогрессивных поэтов - романтиков Европы XIX века.

Несмотря на наличие расхождений в политических взглядах различных поэтов, все они относились с симпатией и восхищением к социалистической революции и новому обществу, которое возникло в результате этой революции, и видели в ней выход для слабых народов.

2. Современный курдский поэт Дылвар - один из тех курдских писателей и поэтов, которые не только восхищались завоеваниями революции, но и первыми приняли принципы марксизма-ленинизма и боролись за их осуществление.

Поэт Дылвар, Ахмад Мустафа Ага, родился в 1929 г. в городе Койсанджак в Иракском Курдистане, в семье обедневших феодалов; он окончил лишь начальную школу; во время II-ой мировой войны он сражался в рядах войск союзников на Ближнем Востоке; после войны поэт принимал активное участие в освободительном движении в Ираке, подвергаясь постоянным преследованиям со стороны монархического режима. Более 5 лет провел он в тюрьмах; вел подпольную политическую борьбу.

После революции 14 июля 1958 г. он был принят в члены "Союза иракских литераторов" (по курдскому отделению); редактировал курдскую газету "Азادي" ("Свобода"), орган иракской коммунистической партии. Тематика произведений поэта связана с жизнью современного ему общества; поэт пишет о политических проблемах, стоящих перед Ираком вообще и перед Курдистаном в частности, выступает против фашизма и духа узкого национализма.

3. О Великой Октябрьской социалистической революции и построении нового общества в Советском Союзе Дылвар пишет едва ли не больше всех других курдских поэтов. Содержанием большей части его патриотических стихотворений являются завоевания революции; специально этой теме посвящены его поэмы и гражданская лирика. Большинство этих произведений написаны им в тюрьмах; стихи Дылвара знают все прогрессивные люди Курдистана. Одно из лучших произведений его на тему о Великой Октябрьской революции - поэма "Дворец рейх-

стага", которую он написал в 1946 г.; в ней он показал роль армии и Советского народа в освобождении человечества от опасности фашизма; поэму "Память Октября" он написал в тюрьме г. Кут в 1949 г.; поэму "Октябрьские торжества" - в 1950 г. по случаю годовщины революции; это красивое песенное произведение, в котором он говорит о достоинствах нового общества, где человек не угнетает другого человека. В годовщину основания Красной Армии в феврале 1951 г. Дылзар написал поэму "Красная Армия" в тюрьме г.Кута на иже Ирака; в этой поэме поэт показывает героическую роль Советской Армии в защите и охране нового общества и в победе над гитлеровским фашизмом.

4. Поэт Дылзар начал писать свои произведения так же, как большинство курдских поэтов, форма стихотворений которых находилась под влиянием арабского стихосложения (аруза) в отношении размера, а содержание сводилось к воспеванию любви и красот природы. Когда изменилось содержание творчества поэта, постепенно начала изменяться и форма; первоначально поэт не отказался от старой формы, но затем стал отходить от норм аруза-размера и единой рифмы. Особенно большое значение придает поэт смысловому содержанию стихотворений.

5. Поэт Дылзар является представителем курдских поэтов, которые первыми восприняли идеи марксизма-ленинизма, путеводные для курдской литературы. Его творчество оказало большое влияние на идейную направленность произведений нового поколения молодых поэтов.

Ш.А.Гасанян

ГРУППОВАЯ ФЛЕКСИЯ В КУРМАНДЖИ

Групповая флексия (оформление группы слов одним флексивным показателем) - одна из характерных черт морфологии курманджи. Но между тем она до сих пор почти не получила освещения в литературе.

Различаются два типа групповой флексии:

1. Оформление изафетом или показателем косвенного падежа группы однородных членов предложения: $qîz (\hat{u}) xort+a dilîst$ 'девушки и парни танцевали'; $qîz (\hat{u}) xort+\hat{e} gundê me hatin$ 'девушки и парни нашей деревни пришли'.

2. Оформление предложения в функции обращения групповым показателем косвенного или звательного падежа. Соответствующие формы сохранились только в застывших синтаксических структурах, своего рода фразеологических оборотах с общим значением пожелания. Они употребляются при благословении, проклятии, пожелании беды, радости и т.д.

В основе всех оборотов, относящихся к второму типу, лежат предложения-обращения с групповым показателем косвенного падежа: $(-\hat{e}-$ для женского рода, $-\hat{i}-$ для мужского рода, $-ana$ - для множественного числа). Предложения-обращения могут оформляться групповым показателем звательного падежа.

В обоих случаях групповой падежный показатель отражает род и число адресата обращения. Групповой показатель падежа присоединяется к глагольной форме, совпадающей с прошедшей основой, которая замыкает предложение: $xudê hewara te hat+\hat{e}$ 'да поможет тебе бог' (обращение к женщине); $xudê hewara te hat+\hat{i}$ 'да поможет тебе бог' (обращение к мужчине); $xudê hewara we hat+ana$ 'да поможет вам бог' (обращение к группе людей) - групповой показатель косвенного падежа; $xudê hewara te hat+\hat{e}$, $xudê hewara te hat+o$, $xudê hewara we hat+(a) no$ - соответственно показатель звательного падежа.

Предложения с групповым показателем косвенного падежа, в отличие от предложений с групповым показателем звательного падежа, обычно употребляются в качестве определения к особому изафетному определяемому. Это определяемое выражено частицей, изменяемой по роду и числу - $lê$ для м.р. и мн.ч.; la - для ж.р. В этой частице также

отражены род и число адресата обращения: *la xudê hewara te hat+ê* 'да поможет тебе бог' (обращение к женщине); *lê xudê hewara te hat+î* 'да поможет тебе бог' (обращение к мужчине); *lê xudê hewara we hat+ana* 'да поможет вам бог' (обращение к группе людей).

Определяемое, выраженное частицей, почти полностью формально. Его семантическая нагрузка состоит в обозначении эмоционального, психологического состояния субъекта речи. Опускание в ряде случаев указанной частицы объясняется, видимо, ее лексической опустошенностью в современном языке. С другой стороны, не исключено также влияние параллельно существующей модели предложения с групповым показателем звательного падежа без частицы.

При повышенной эмоциональности, сопровождающей пожелание, перед определяемой частицей ставится междометие *wey*, *hey* 'o;ox;эх': *weylê kurê te mir+î* 'эх, чтоб у тебя умер сын' (обращение к мужчине); *weyla kurê te mir+ê* 'эх, чтоб у тебя умер сын' (обращение к женщине); *weylê kurê we mir+ana* 'эх, чтоб у вас умерли сыновья' (обращение к группе людей). Адресат обращения отражен личным местоимением второго лица ед.ч. в косв.п. *te* и мн.ч. в косв.п. *we* в функции определения.

Адресат обращения, выраженный косвенной формой местоимения в функции подлежащего, может дублироваться существительным в звательном падеже: *weyla te xwelî sere xwe kir+ê, jinikê* 'прах на твою голову, женщина' (букв.: 'эх, чтобы ты насыпала прах на свою голову, женщина'); *weylê te xwelî serê xwe kir+î, mēriko* 'прах на твою голову, мужчина'; *weylê we xwelî serê xwe kir+ana, jinikno* 'прах на вашу голову, женщины'.

В предложении, стоящем после частицы (*wey* *la* , (*wey*) *lê* , субъект действия при глаголе может быть опущен. В таких случаях адресат обращения отражен только в изафетном форманте частицы и в окончании косвенного падежа; частица не опускается: (*wey*) *la mirê* 'чтобы (ты) провалилась'

(букв.: 'умерла'); (wey)lê mirî 'чтобы (ты) провалился';
(wey) lê mirana 'чтобы (вы) провалились'.

Обороты описанного типа с групповой флексией довольно многочисленны, и уже этим они привлекают к себе внимание.

Кроме того, эти обороты представляют интерес с точки зрения ранее существовавших живых форм выражения желательной модальности.

Ш.А.Гасанян, И.И.Цукерман

О НАРУШЕНИЯХ ПАССИВНО-ОБЪЕКТНОГО СТРОЯ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТАХ КУРДОВ АРМЕНИИ

Реферируется работа Ш. Гасаняна "Явления деформации пассивно-объектного строя в курманджи".

Пассивно-объектный строй в курманджи противоречив, неустойчив и поэтому склонен к деформации (преобразованиям, видоизменениям). Иноязычные влияния ускоряют процесс деформации, они расширяют сферу его действия и способствуют интенсивности его протекания.

В работе подводится итог выявленным в предшествующих исследованиях моделям скрытых и явных отклонений от "классических" форм пассивно-объектного строя. В тех и других случаях важно не только максимально полное обнаружение путей перестройки конструкции, но и выявление закономерностей, связанных с этим процессом. Литературные тексты курдов Армении позволяют судить о размахе процесса деформации, документировать и объективизировать сделанные наблюдения.

По степени отклонения от нормы модели группируются следующим образом (ниже приводится ограниченное число моделей):

1. Переориентация глагольной формы с дополнения на подлежащее без деформации подлежащего: xala K'ulik dît+in

(< dît) ' дядья увидели Кулыка', xalê xarziyêd xwe nas nekir (< nekirin) ' дядя не узнал своих племянников'.

2. Замена косвенного падежа подлежащего прямым падежом при глаголах генетически и формально переходных, но постоянно (а), обычно (б) или в каком-либо из своих значений (в) функционирующих без прямого дополнения: а) ew (< ewî) li min niheîî 'он на меня посмотрел', ew (< ewî) bans da ser xwe 'он вскочил'; б) qîzik (< qîzikê) gote wê 'девушка сказала ей' ew (< ewî) nikarbû ayar bûya 'он не мог сесть верхом'; в) xûda em (< me) nelîstine (< nelîstîye) 'давно мы не танцевали'. Деформация подлежащего в таких сочетаниях несомненно сопровождается (или обусловлена) процессом п е р е к в а л и ф и к а ц и и указанных глаголов, полным или частичным (в каком-либо значении) переводом их из разряда переходных в разряд непереходных.

3. Замена косвенного падежа подлежащего прямым падежом (при наличии в предложении прямого дополнения в прямом падеже): bav (< bavê) jî kuî raç' kir отец тоже поделывал сына', kalek (< kalekî) t'ulm ji destê sazband girt 'один из стариков взял волынку из рук музыканта'.

4. Замена прямого падежа дополнения косвенным падежом (при наличии в предложении подлежащего в косвенном падеже): Sh'îd zembîlê (< zembîl) hilda 'Сыхид вял корвину', me wî (< ew) şandîye 'мы его послали'.

В пределах обследованных литературных текстов курдов Армении в одном и том же предложении возможно: либо изменение падежной принадлежности подлежащего, либо изменение падежной принадлежности дополнения, но не одновременное изменение формы подлежащего и дополнения. Таков предел деформации именных компонентов предложения пассивно-объектного строя. За этой гранью стояла бы, в сущности, смена пассивно-объектного строя активно-субъектным.

Во всех без исключения случаях формы, представляющие отклонение от нормы, включая те из них, которые осознаются

как ошибочные, уживаются у одного и того же лица рядом с формами нормативными, правильными, составляя д и а х р о н и ч е с к и й л и м и т данной конструкции. Отмеченные отклонения являются, таким образом, изменениями о б р а т и м ы м и, они допускаются бессознательно и, будучи осознаны, они обычно заменяются исходными формами.

В.Г.Гузев

О СООТНОШЕНИИ АРАБО-ПЕРСИДСКИХ И ТЮРКСКИХ
ЭЛЕМЕНТОВ СТАРОАНАТОЛИЙСКО-ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА
В ФОНОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

1. В анатолийских тюркских памятниках XIII-XV вв., написанных арабицей, арабские и персидские слова имеют обычно фиксированное написание, совпадающее с их написанием в арабском и персидском языках. Естественно поэтому, что при попытках фонологической интерпретации данных письменности таких памятников арабо-персидские элементы приходится исключать из рассмотрения.

2. Результаты работы над текстом ленинградского списка "Сказания о Мелике Данышменде" показывают, что нельзя назвать ни одного факта фонематического влияния арабского или персидского языков на чисто тюркские элементы языка. Известно, что арабо-персидские заимствования и по настоящее время не оказали заметного влияния на фонетику турецкого языка, а сами, хотя и претерпели известные изменения, сохранили свое фонетическое своеобразие (Ю.Н.Мет, Э.В.Севортян). Бесспорно резкое фонематическое отличие арабо-персидских элементов от тюркских элементов турецкого языка: различны функциональные отношения между гласными, между гласными и согласными, имеются примеры резкого различия в дистрибуции звуков и прочее. Все это вынуждает го-

ворить о том, что в староанатолийско-тюркском языке имелись слова разных фонетических типов и в них действовали различные системы фонем.

3. Одной из причин этого своеобразного явления было несомненно то, что арабский и персидский языки долгое время играли чрезвычайно важную роль в жизни тюрков Малой Азии. Фиксированное и "правильное" написание арабских и персидских слов в памятнике - свидетельство того, что писцы имели арабское или персидское образование.

4. В пользу вывода о действии "различных систем фонем" в староанатолийско-тюркском языке говорит и тот факт, что предпосылки некоторых фонетических изменений удается обнаружить в парадигматических отношениях между фонемами, используемыми в тюркских словах ($/g/ > /ɣ/$, $/k/ > /q/$).

5. Тем не менее в тексте обнаруживается одна ярко выраженная особенность: в написаниях тюркских слов и аффиксов отдельные знаки (например, ك и ق или غ , когда ك передает $/k/$ или $/g/$) находятся в определенном смысле в отношении дополнительного распределения и отражают на письме комбинаторные варианты фонем. Если иметь в виду, что носителем языка варианты фонем обычно не осознаются, то придется признать, что языковое сознание писцов должно было испытать влияние арабских или персидских фонологических отношений. Однако это влияние не нарушило фонологических отношений, присущих тюркским элементам языка.

Е.И.Кычанов

ГЛАГОЛЬНЫЕ АФФИКСЫ rar И ri В ТАНГУТСКОМ ЯЗЫКЕ

1. В тангутском языке имеется несколько глагольных видовых аффиксов, функции которых до сих пор четко не выделены. Ниже мы попытаемся охарактеризовать два из них: суффикс rar и префикс ri (1).

2. Глагольный суффикс *gar* зафиксирован в словаре Н.А.Невского. В словаре "Гомофоны" этот суффикс указан с глаголом "ходить", в словаре "Море письмен" сообщено, что это служебное слово и дан образец его употребления: "уходить-приходить" ("снова, ходить туда и обратно"). В текстах суффикс *gar* встречается в таких примерах, как: "Горный козел, оглядываясь, выходит" (11, Крупинки золота на ладони); "Корову ищет" (111, Гимн священным предкам тангутов); "Воду черпая из колодца, брюхо набили" (1V, Вновь собранные драгоценные парные изречения). В этих и других случаях действие, выраженное глаголом с суффиксом *gar*, характеризуется как прерывистое, многократно повторяющееся. Вместе с префиксом 'а (У), характеризующим однократность совершения действия, суффикс *gar* образует в тангутском языке противопоставленные друг другу характеристики однократности и многократности действия.

3. Глагольный префикс *gi* также до сих пор не получил должного определения. Нисида Тацуо, не давая точной характеристики префикса, отмечает, что он обычно переводится на китайский язык служебным словом "со" (У1). М.В.Софонов приводит префикс *gi* в числе трех глагольных префиксов-показателей прошедшего времени.

Префикс *gi* довольно часто встречается в текстах. Так, в цитированном сборнике тангутских пословиц он употреблен с глаголами "направляться", "делать", "говорить", "класть на", "смотреть на", "посылать", "ждать (от кого-либо)", "кланяться" и т.п. Например: "В пурпурные одежды одетому все кланяются" (УП), "К местопребыванию сердце не лежит - от тех мест, где родные живут, далеко удалился" (УШ). Думается, что префикс *gi* можно охарактеризовать как показатель направленности действия. Действие, обозначенное префиксом *gi*, может быть направлено к объекту действия (УП) и от объекта действия (УШ). Оно может относиться к плану прошедшего: "Приданого ждали, невеста состарилась" (1X) и к плану будущего времени: "Мужчина слово скажет - и станет ясно, умен он или не умен" (X).

В тангутском языке не существовало противопоставления активного и пассивного залогов. Префикс *gi* в определенных случаях указывает также на то, что подлежащее (субъект действия) не совершает какое-то действие, а само является объектом действия: "И таленок-сосунок переносит страдания, и бычек-малолетка подвергается наказаниям" (X1).

- I. 轉比, 受比. II. 前受 川受 厥轉比 受比.
 III. 後受 轉比 受比. IV. 受比 轉比 如後 受比 反受
 V. 轉. VI. 所. VII. 前受 受比 受比 厥 厥 受比 受比 受比
 VIII. 受比 受比 受比 受比 受比 受比 受比 受比 受比
 IX. 受比 受比 受比 受比 受比 受比 受比 受比
 X. 受比 受比 受比 受比 受比 受比 受比 受比
 XI. 受比 受比 受比 受比 受比 受比 受比 受比

Б.И.Кузнецов

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ (СИНТАКСИЧЕСКИЕ) КЛАССЫ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ ФОРМ МАРАТХИ

1.0. Глагольно-именные формы маратхи, общий набор которых состоит из 15 форм, могут быть распределены по функциональным классам (ФНК). Для выделения ФНК вводим понятие свободной и связанной словоформы (полнозначного, автосемантического слова).

1.1. Словоформу называем свободной, если она выступает в определенной синтаксической функции самостоятельно (предложение *to gela* "он ушел" состоит из двух свободных словоформ).

1.2. Словоформу называем связанной, если она выступает в определенной синтаксической функции не самостоятельно, в сопровождении словоформы неполнозначного синсемантического слова (в предложении *to gelā āhe gelā* является связанной словоформой и вместе со связывающей словоформой *āhe* выполняет одну синтаксическую функцию).

2.0. Глагольно-именные формы маратхи делим на три ФНК.

2.1. К ФНК 1 принадлежит глагольно-именная форма, выступающая как свободная и как связанная словоформа (*to karapār* "он сделает" и *to karapār āhe* "он сделает, собирается сделать"). К этому классу относится 11 форм.

2.2 К ФНК 2 принадлежит глагольно-именная форма, выступающая только как свободная словоформа (в предложении *to vicār karatālmā ek goṣṭ spaṣṭ jhālī* "он думая (т.е. в то время как он думал), (ему) стало ясно" деепричастие *karatālmā* выполняет процессуальную функцию в зависимом обороте). К этому классу относится 3 формы.

2.3. К ФНК 3 принадлежит глагольно-именная форма, выступающая только как связанная словоформа (*to karū lāgalā* "он начал делать"). К этому классу относится 1 форма - инфинитив.

3.0. Как функциональные единицы предложения глагольно-именные формы имеют набор функций. Функция характеризуется значением (агент, объект, атрибут, процесс) и знаком-формой. По формальному признаку функцию относим к первичной или вторичной.

3.1. Под первичной (Φ_1) понимаем функцию, в которой глагольно-именная форма не меняет принадлежности к определенному формальному подклассу (ФНК), выступает как свободная словоформа и имеет непосредственный морфологический знак (падежный показатель) данной функции (*kelele kam, kelelya kamala* "сделанная работа", "сделанную работу").

3.2. Вторичную функцию (Φ_2) глагольно-именной формы делим на три типа (I, II, III).

3.21. Во вторичной функции первого типа ($\Phi_2 I$) глагольно-именная форма не меняет принадлежности к ФПК, выступает как свободная словоформа, но не имеет морфологического знака данной функции (например, личного показателя в процессуальной функции; процессуальная функция причастия перспективного: *to karaḍāḡ* "он сделает").

3.22. Во вторичной функции второго типа ($\Phi_2 II$) глагольно-именная форма не меняет принадлежности к ФПК, но выступает как связанная словоформа и имеет только опосредованный морфологический знак (например, личный показатель связывающий словоформы) данной функции (процессуальная функция герундия: *mī karaḍē āhē* "я должен сделать").

3.23. Во вторичной функции третьего типа ($\Phi_2 III$) глагольно-именная форма меняет принадлежность к ФПК, выступает как свободная словоформа и имеет непосредственный морфологический знак данной функции (процессуальная функция причастия совершенного в претерите: *tu gelāw* "ты ушел").

$\Phi_2 III$ - функцию формальной трансформации - относим к функциям определенной глагольно-именной формы условно, т.к. здесь происходит преобразование формального подкласса (*gelāw* представляет не причастную, а глагольную форму 2 лица ед. числа и подлежит рассмотрению в классе личного, т.е. собственно глагола).

4. В пределах функционального класса выделяем функциональные подклассы (ФНПК), учитывая формальное и функциональное значение глагольно-именной формы как конструктивной единицы предложения.

5. Метод синтаксического анализа глагольно-именных форм маратхи по первичным и вторичным функциям позволяет 1) дать формальное определение всех функций этих форм, 2) установить функциональный диапазон каждой формы (от Φ_1 - функции формально-функционального тождества, т.е. принадлежности к определенному ФПК до $\Phi_2 III$ - функции формально-функционального нетождества, т.е. перехода в другой ФПК) и 3) показать динамику формально-функционального перехода (трансформации).

6. В силу формальной соотнесенности глагольно-именных форм с четырьмя основными классами слов маратхи - существительным, прилагательным, наречием и (условно, см. 4.23) глаголом метод первичных и вторичных функций действителен для синтаксического анализа классов слов этого языка.

Н.И.Носова

ОТГРАНИЧЕНИЕ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН ОТ СОЧЕТАНИЯ ГЛАГОЛ + ИМЯ В БИРМАНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. В бирманском языке широко распространена субстантивация глаголов, результатом которой является образование отглагольных имен. Однако в ряде случаев отглагольные имена (т.е. сочетания глагол+субстантиватор) трудно отграничить от совпадающих с ними по форме сочетаний глагол + имя, которые также функционируют в качестве имен. Как можно видеть, разница здесь состоит в том, что в первом случае вторым компонентом является служебная морфема, а во втором случае - знаменательная морфема. Разграничение этих сходных образований должно идти, следовательно, по линии доказательства служебного характера морфемы, выступающий в качестве второго компонента сочетания.

2. Рассмотрим образования, имеющие все свойства имени и состоящие из глагола плюс одна из следующих морфем: йэй³, хму¹, чхэ', чхин³, поун². Перечисленные морфемы обладают следующими признаками:

- а) сочетаются теоретически с любым глаголом,
- б) являются очень продуктивными,
- в) значение их максимально ослаблено.

Эти признаки говорят в пользу признания указанных морфем формальными элементами. Препятствует этому то, что существуют совпадающие с ними по форме знаменательные слова,

значение которых довольно абстрактно ("дело", "пункт", "процесс", "форма") и в принципе соотносимо с теми значениями, которые приносятся анализируемыми морфемами (хотя, как сказано, эти значения и являются максимально ослабленными). Таким образом, образования, состоящие из глагола плюс одна из вышеуказанных морфем, могут рассматриваться в принципе как сочетания глагол плюс имя. Мы попытаемся, однако, показать, что это не так и что указанные морфемы с синхронной точки зрения должны рассматриваться в качестве омонимов по отношению к совпадающим с ними по форме знаменательным словам.

3. В сочетаниях глагол + имя (когда все сочетание функционирует как имя) глагол выступает в качестве определения к имени. Глагол же, выступающий в качестве препозитивного определения к имени, регулярно оформляется соответствующими так называемыми адъективирующими формантами — чаще всего ³то³. Таким образом, возможность вставки ³то³ (или аналогичных формантов) может показать, является ли второй компонент сочетания определяемым и, следовательно, знаменательной морфемой (так как других возможностей не существует). При этом только чрезвычайно важно, чтобы возможность вставки исследовалась не на изолированных сочетаниях, а во фразах, и полученная (после операции вставки) фраза была бы синонимичной исходной.

4. Применение описанной процедуры показывает, что вставка адъективирующего форманта невозможна ни в одно из сочетаний глагола с рассматриваемыми морфемами, так как она либо делает фразу бессмысленной, либо совершенно меняет ее значение. Отсюда следует, что указанные морфемы являются омонимичными по отношению к совпадающим с ними по форме знаменательным словам. Поскольку отпадает единственное возражение против включения этих морфем в разряд формальных (служебных) элементов, данные морфемы следует рассматривать в качестве служебных морфем — субстантиваторов, а сочетание глагол плюс одна из этих морфем — в качестве отглагольного имени.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИМЕННЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА
В ГУДЖАРАТИ

1. Все именные формы глагола в гуджарати по признаку репрезентации события разбиваются на следующие группы:

1) Инфинитив в простой, несовершенной и совершенной форме (*karvũ* , *kartũ hovũ* , *karuũ hovũ*) и отглагольное имя (*karuũ*) представляют субстантивную репрезентацию события.

2) Причастие несовершенного вида в полной и краткой форме (*kartũ* , *karat*) и причастие совершенного вида в полной и краткой форме (*karelũ* , *karel*) – адъективная репрезентация события.

3) Имя деятеля в полной и краткой форме (*karnaru* , *karnar*) – субстантивная и адъективная репрезентация события.

4) Деепричастие несовершенного (*kartã*) и совершенного (*karĩ*) вида – адвербиальная репрезентация события.

2. Всем именным формам глагола свойственны грамматические и лексико-грамматические категории вида, залога и временной последовательности. Именные формы глагола, за исключением деепричастных, имеют категории рода и числа (косвенная основа – *ã*). Для адъективной группы именных форм глагола характерна категория краткости /полноты.

3. В структуре простого предложения в гуджарати именные формы глагола занимают присубстантивную или приглагольную позицию, выполняя самые различные синтаксические функции, свойственные имени. В присубстантивной позиции именные формы глагола функционируют в качестве препозитивного или постпозитивного определения к имени (*AN* или *NA*).

В приглагольной позиции именные формы глагола встречаются в роли агенса (N_{ag}^V), предикативного члена (Pd^V), различных объектов (No) и обстоятельств (N_{adv}). Ведущими синтаксическими функциями именных форм глагола в гуджарати являются определительная и обстоятельственная.

4. Соотношение структурного типа и функции именных форм глагола может быть представлено следующей таблицей.

Структ. тип \ функция	A	N_{ag}	Pd	No	N_{adv}
karvũ	+	+	+	+	+
karyũ	+	+	+	+	+
kartũ	+	-	-	-	(+)
karelũ	+	-	-	-	-
karnārũ	+	-	-	-	-
kartā	-	-	-	-	+
karĩ	-	-	-	-	+

5. Синтаксическое употребление именных форм глагола в гуджарати является важнейшим средством структурного расширения простого предложения. Обладая характерной для глагола способностью распространяться за счет объектных и обстоятельственных определителей, именные формы глагола становятся ядром целой синтаксической конструкции. Некоторые именные формы глагола в своем составе имеют выраженную позицию агенса, и тогда между агенсом и именной формой глагола возникают отношения, похожие на предикативную связь имени с личной формой глагола. Такие конструкции с именными формами глагола становятся синонимическим эквивалентом придаточных предложений.

СЛОЖНО-ИНТЕНСИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В БЕНГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Образования, называемые сложно-интенсивными глаголами, состоят в бенгали из двух компонентов: 1) деепричастия на *-iṭa* и 2) образующего глагола движения (направленного и ненаправленного).

2. Основную лексическую нагрузку несет деепричастие. Основную грамматическую нагрузку несет образующий глагол. Образующий глагол в большей или меньшей степени утрачивает свое лексическое значение.

3. Присоединяясь к деепричастию, образующий глагол придает ему следующие значения:

1) указывает направление действия (вверх-вниз, к себе - от себя и т.п.);

2) характеризует способ протекания действия: интенсивность, внезапность, постепенность; длительность действия (в настоящем и прошедшем длительном временах), обычность или многократность действия (в настоящем общем и прошедшем обычном временах);

3) передает видовое значение законченности действия (в прошедших временах - повествовательном, результативном и преждепрошедшем).

4. Лексико-грамматические образования, называемые сложно-интенсивными глаголами, в бенгальском языке рассматриваются как словосочетание, находящееся на пути развития в слово.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ
СЛОВАРЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА
(ЭПОХА СУН)

Словарь составляется на основе письменного памятника (XI - XIV вв.) "Цзин бэнь тунсу сяошо", отображающего живую разговорную речь данной эпохи. Имеется грамматический очерк языка этого периода.

Проблема выделения слова осложняется отсутствием в китайском тексте формальных разделительных признаков между словами. Поэтому приходится прибегать к формально-смысловым или чисто смысловым критериям выделения слова. Таковыми могут быть: цельность значения (Π_g), идиоматичность (И), воспроизводимость (В), устойчивость (У), морфологическая (Π_m) или синтаксическая (Π_c) цельнооформленность, морфологическая (P_m) или синтаксическая (P_c) раздельнооформленность, наличие синтаксической связи между двумя элементами (C_c), наличие у одного и того же элемента двойной синтаксической связи ($ДС_c$), наличие словообразовательного аффикса (A_c), связанность значений компонентов (C_v) и ряд признаков. Эти признаки могут различаться степенью охвата единиц языка, степенью формализации, по необходимости применения статистики и т.д. По одним дифференциальным признакам слова могут отличаться как от морфем, так и от словосочетаний, по другим - только от переменных словосочетаний. В зависимости от этого они могут применяться или положительно или отрицательно. Так, например, один из элементов (во) сочетания во цзай (из фразы: во цзай цзин чжун цзавань у жэнь чжаогуань, и таола игэ сяолаопо 'Я в столице с утра до вечера не имею человека, заботящегося /обо мне/, и уже взял наложницу') обладает $ДС_c$ (связи с цзай и с у),

что слову не свойственно. Следовательно, сочетание во цвай не является единым словом, а во - морфемой. Т.е. элемент во - слово. Это пример отрицательного применения признака. Сочетание элементов тао и да по положительному применению признака Ц_м является единым словом. Так, в зависимости от характера связи сочетающихся элементов, применяется тот или иной признак или комплекс признаков, Универсальных признаков нет.

Значение слова устанавливается на основании прежнего опыта (чтение других текстов, словари), категориальная принадлежность - исходя из синтаксической функции слова в предложении и сочетаемости со служебными показателями.

Л.Д.Тугушева

ПОРЯДОК СЛОВ КАК СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК В ИМЕННЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

(На материале тюркских языков)

1. Длительная практика исследования порядка слов в предложении в тюркских языках позволила дать общую характеристику местоположения одних членов предложения в отношении других. Однако правила такого типа как "определение, как правило, ставится перед определяемым" представляют собой внешнюю констатацию факта и не вскрывают синтаксической сущности порядка слов как организующего звена синтаксических конструкций.

2. Исследование этого вопроса, так же как и прочих синтаксических явлений, по-видимому следует начинать с выявления основных типов бинарных конструкций, выступающих элементарными составляющими во всех типах развернутых конструкций, и затем через экспериментально-функциональный анализ определить, в каких конструкциях порядок слов

является признаком случайным и в каких - существенным, различительным и наряду с какими другими различительными признаками в данном типе конструкций он выступает, ибо каждой бинарной синтаксической конструкции свойственен целый набор признаков, через которые раскрываются его свойства как синтаксической единицы.

3. Акцентирование внимания на одном из этих признаков без учета других и рассматривание его изолированно вне связи с другими, столь обычное в практике изучения порядка слов, не дает сколько-нибудь правильного представления о месте и сущности его как элемента языковой структуры.

4. Для характеристики синтаксических конструкций часто бывает недостаточно простого перечня составных элементов. Бывают случаи, когда поэлементный анализ на современном этапе не выявляет составляющих данной конструкции, как например, в трехчленной определительной конструкции. В таких случаях необходимо предварительно правильно определить ядерные конструкции, на основе которых сложилась рассматриваемая конструкция.

И.И.Пукерман

ВАРИАНТНОСТЬ КАК ДИАХРОНИЧЕСКИЙ ЛИМИТ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

Нижеследующие заключения выведены из анализа текстов на курдском языке, составленных природными курдами в начальный период фиксации курдской речи средствами пофонемного письма.

Любая языковая система, посредством которой осуществляется общение, вариантна. Вариантен и язык отдельного человека. У одного и того же лица в пределах определенного текста возникают два, три и большее число вариантов одной и той же языковой единицы в одних и тех же условиях,

тогда как другие единицы повторяются без вариации, т.е. остаются, по-видимому, неизменными. Речь идет, таким образом, о колебаниях, о неполном осуществлении, о незавершенности определенных процессов. Варианты возникают в пунктах, где скрещиваются противоречивые процессы, противоречивые тенденции. Они сами материально воплощают эти процессы, выявляют их в речи.

Фонетические процессы вызывают варьирование фонем в корневых, словообразующих и формообразующих морфемах. Внутри морфологической системы борьба моделей и, в частности, процессы регуляризации и иррегуляризации, приводят к варьированию отдельных словоформ и целых парадигм (для данной лексической единицы). Еще в большей мере многообразна и сложна синтаксическая вариантность.

Возникающие варианты в определенных условиях функционально дифференцируются, и в меру этого они перестают быть вариантами.

Вариантность - явление синхронии и диахронии в одно и то же время: любой пучок вариантов одновременно обладает и историческим аспектом, представляя собой **д и а х р о н и ч е с к и й л и м и т** для данной детали синхронической системы. И напротив, хотя варианты в пучке соотносятся в диахроническом плане (как исходный вариант и неотипы), они все же функционируют как варьирующая единица системы синхронической.

Совокупность свободно варьирующих единиц языковой системы составляет ее диахронический лимит.

В пределах диалекта, тем более индивидуальной языковой системы - изменения, составляющие диахронический лимит, **о б р а т и м ы**: исходный вариант легко переходит в неотип, неотип легко возвращается к исходному варианту. Напротив, необратимость вариантов есть показатель их диахронической или диалектной распространенности, разобщенности. Необратимые (диалектно или диахронически распространенные) варианты могут (осознанно или бессознательно) идентифицироваться.

Количество говорящих на каком-либо языке и их диалектное группирование, как известно, постоянно меняется, тем самым меняется диалектное распределение процессов, тенденций и их соотношений, обуславливающих наличие и характер диахронического лимита. В результате - обратимые изменения становятся необратимыми, чередование свободных вариантов - соответствиями; иначе говоря, диахронический лимит изменчив.

Новые поколения усваивают (наследуют) язык не как застывшую систему, а вместе с присущими ему на данном этапе противоречивыми тенденциями, вместе с его диахроническим лимитом. В языке, включая индивидуальную языковую систему, даны процессы, тенденции; в речи - их воплощение, варьирующие фонемы, словоформы, совокупные формы, составляющие парадигму, синтагмы и т.д.

СОДЕРЖАНИЕ

Д.Е.Бертельс. Азиатский музей Российской Академии наук - Институт Востоковедения АН СССР - Сектор (Музей) восточных рукописей Института Востоковедения АН СССР	3
Э.Н.Темкин. ЛО ИНА АН СССР за 10 лет (1957-1967)	5
Л.Н.Меньшиков. Академик В.М.Алексеев в Азиатском музее - Институте Востоковедения . . .	6

1. Источниковедение

Е.И.Васильева. Неизвестное сочинение по истории Курдистана	8
Э.Н.Ворожейкина. Вставные рассказы в романе 'Абдаллах Ансар' "друг послушников и солнце меджлисов"	10
В.Н.Горегляд. "Макура-но сбси" Сэй-сёнагон - дэуицу.	12
М.И.Демидова. Некоторые данные по истории рукописной библиотеки из Дуньхуана	14
Н.В.Елисеева. Переписка иранских литераторов и поэтов с К.Н.Марром	15
Л.Н.Карская. Восточное Отделение Русского Археологического Общества. 1851-1921. Издательская деятельность	17
К.Б.Кепинг. Тангутский перевод китайского военного трактата Сунь-цзы	20
В.В.Кушев. Первое грамматико-лексикографическое сочинение о языке пашто и его место в афгановедении	21

Н.Д.Миклухо-Маклай. Редакции всеобщей истории Хондемира (Хабиб ас-сийар)	23
О.П.Петрова. Первое кругосветное плавание российских моряков в 1803-1805 г.г. и миссия Николая Резанова в Японию	24
Л.С.Савицкий. Некоторые вопросы истории и датировки "Завещаний" Сронгцван-гампо	26
Л.П.Смирнова. "Та'рих-и Сйстāн" как возможный источник "Ихйā ал-мулūk"	29
А.П.Терентьев-Катанский. Форма тангутской книги	31
Н.Н.Туманович. Семейная хроника рода гератских феодалов XV - начала XIX вв.	33
Ю.Е.Борщевский. "Мусульманский географ Мухаммад б.Йахйā из Индии", приписываемое ему "Сувар ал-ақālīm" и географическое сочинение Хафиз-и Абрӯ	34

П. История

И.Д.Амусин. Новый текст из Кумрана (IIQ Melch) и древнерусская апокрифическая традиция .	37
Н.А.Араумян. Боевые слоны в сасанидской армии	39
С.М.Бациева. Учение о "двойственной истине" Аверроэса Ибн Халдуна	40
О.Г.Большаков. Основные моменты развития среднеазиатского города (УП- XII вв.)	41
К.В.Васильев. Из истории древнекитайской исторической прозы	42
И.В.Виноградов. Шкала урожайности египетских полей по документам нового царства.	45
М.В.Воробьев. Уголовное право государства Цзинь (XI-XIII вв.)	47

М.А.Дандамаев. Юридическое и фактическое положение рабов в поздней Вавилонии	49
М.М.Елизарова. Община терапевтов в египетском окружении	50
С.С.Какабадзе. Институт мамасахлиси в древней Грузии	51
С.Г.Кляшторный. В.В.Бартольд и история тюркских народов	52
Ю.Л.Кроль. Вопрос о том, что в "Записях историка" написал Сыма Тань (? - 110 г. до н.э.)	54
А.С.Мартынов. Отражение восточноазиатской политической структуры в идеологии эпохи Цин . .	57
О.С.Николаева. "Из истории института пятидворок в Японии"	58
С.М.Прозоров. Основные этапы истории раннешиитского движения (до установления шиитской династии Буидов в Ираке в 364/945 г.)	61
И.Ф.Фихман. К структуре египетского крупного имени VI века	63
З.Я.Ханин. О некоторых моментах происхождения дискриминации в Японии	64
И.Ш.Шифман. Историческая преемственность в социально-экономической истории эллинистическо-римской Сирии	65
С.А.Школяр. К вопросу о характере так называемых "мусульманских орудий" (хуэй-хуэй пао) в Китае XIII в.	66

III. Литературоведение

М.А.Болдырева. Некоторые особенности развития индонезийского стихосложения XX в. . . .	69
А.Д.Бурман. Палийские джатаки и народные драматические представления в Бирме	71

Л.Л.Громковская. Годы войны и фашизма (1933-1945) - период сопротивления в творчестве Накано Сигэхару	72
М.И.Никитина. "Житие Кишэ" (XI в.) как художественное произведение	73
Р.Р.Орбели. Художественные тропы и языковые средства описания предметного мира в некоторых памятниках грузинской литературы XVIII в.	75
Л.К.Павловская. Пинхуа по истории Пяти династий. (О некоторых композиционных особенностях и месте среди других "пинхуа")	77
М.Б.Руденко. Курдская литературная версия поэмы "Хууф и Зулейха"	78
А.Ф.Троцевич. Некоторые особенности структуры "Исторических записей о трех государствах" ("Самгук Саги") как литературного памятника . .	79
О.Л.Фишман. Цзи Юнь в оценке современного китайского литературоведения	81
Маруф Хазнадар. Великая Октябрьская социалистическая революция и творчество современного курдского поэта Ахмада Дилзара.	83

1У. Языковедение

Ш.А.Гасанян. Групповая флексия в курманджи. .	85
Ш.А.Гасанян, И.И.Цукерман. О нарушениях пассивно-объектного строя в литературных текстах курдов Армении	88
В.Г.Гузев. О соотношении арабо-персидских и тюркских элементов староанатолийско-тюркского языка в фонологическом аспекте	90
Е.И.Кичанов. Глагольные аффиксы гаг и г1 в тангутском языке.	91

Б.И.Кузнецов. Функциональные (синтаксические) классы глагольно-именных форм маратхи	93
Н.И.Носова. Отграничение отглагольных имен от сочетания глагол + имя в бирманском языке	96
Л.В.Савельева. Синтаксические функции именных форм глагола в гуджарати	98
И.А.Световидова. Сложно-интенсивные глаголы в бенгальском языке	100
А.А.Торопов. Лексико-грамматические принципы составления словаря средневекового китайского языка (эпоха Сун).	101
Л.К.Тугушева. Порядок слов как синтаксический признак в именных конструкциях. (На материале тюркских языков)	102
И.И.Цукерман. Вариантность как диахронический лимит языковой системы.	103

А-00857 Тир.300 Зак.182

Офсетное производство типографии № 3
издательства "Наука"

Москва, Центр, Армянский пер.2

